

С ТИХОТВОРЕНІЯ

ГЕЙНЕ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

А. Л. Шиффа.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Рыбная улица, № 28.

1885.

29

Въръ Сергѣевичъ

ШКАФЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 11 Января 1885 г.

Харьковъ. Типографія Адольфа Дарре, Рыбная, 28.

ПРОЛОГЪ.

Лины осыпаны цвѣтомъ душистымъ,
Спитъ очарованный лѣсъ;
Душу чаруя лучомъ серебристымъ,
Мѣсяць сіяетъ съ небесъ.

Лѣсомъ иду я—и чудные звуки
Слышу изъ чащи вѣтвей;
То про любовь, про любовныя муки
Страстно поетъ соловей.

Пѣсни его про блаженство и слезы
Смѣха и плача полны;
Будятъ въ душѣ онѣ старыя грезы,
Будятъ забытые сны.

Дальше иду я лѣсными тропами...

Вдругъ на полянѣ лѣсной
Замокъ старинный съ большими зубцами
Гордо предсталъ предо мной.

Заперты окна, молчанье кладбища,
Грусть и унынье кругомъ,
Будто-бы смерть избрала для жилища
Этотъ запущенный домъ.

Дивной, но дикой блеститъ красотою
Сфинксъ, сторожащій крыльцо:
Львиные когти со львиной спиною,
Женскія грудь и лицо...

Въ бѣлыхъ глазахъ его, полныхъ желаній,
Дикая страсть разлита...
Страстной улыбкой—горячихъ лобзаній
Просятъ нѣмыя уста.

Звуками пѣсенъ и страстью волнуемъ,
Волю давая мечтамъ,
Я задрожалъ—и приникъ поцѣлуемъ
Къ бѣлымъ прекраснымъ устамъ.

Вдругъ оживился недвижимый камень,
Мраморъ сталъ тяжело стонать,
Сталъ поцѣлуевъ сжигающій пламень
Съ жаждой безумной впивать.

Статуя душу мнѣ вышить хотѣла...
Бѣшеной страсти полна,
Сжала въ объятяхъ—и въ бѣдное тѣло
Когти вонзила она.

Сладкія муки блаженныхъ терзаній!
Нѣтъ васъ на свѣтѣ сильнѣй:
Чѣмъ упоительнѣй нѣга лобзаній,
Тѣмъ моимъ ранамъ больнѣй.

„Сфинксъ мой!“ поетъ соловей надо мною,
„Эту задачу рѣши:
„Какъ сочеталъ ты со смертной тоскою
„Свѣтлую радость души?

„Дивный мой сфинксъ! разрѣши мнѣ задачу,
„Дай мнѣ скорѣе отвѣтъ;
„Я надъ разгадкой напрасно ужъ трачу
„Многія тысячи лѣтъ“...

НОВАЯ ВЕСНА.

ПРОЛОГЪ.

Вотъ смотри ты: нарисованъ
Храбрый рыцарь предъ тобой;
Въ латы мѣдныя закованъ,
Былъ готовъ онъ выйдти въ бой,

Но Амуры безъ усилій
Сняли шлемъ съ него и щитъ, —
И въ цѣпяхъ изъ розъ и лилій
Рыцарь скованный стоитъ.

Такъ и мнѣ пришлось томиться
Въ узахъ нѣги и тревогъ, —
И съ другими рядомъ биться
Въ битвѣ вѣка я не могъ.

1.

Взвѣвъ подѣ липой, издалека
Слышишь ропотъ урагана;
Видишь: тучи облеклися
Сѣрой дымкою тумана;

Видишь: рощи и долины
Будто вымерли отъ стужи;
Холодъ чувствуешь ты въ сердцѣ,
Холодъ царствуетъ снаружи.

Вдругъ посыпались пушинки . . .
И подумалъ ты съ испуга,
Что опять осыпанъ снѣгомъ,
Что опять завоетъ вьюга.

Но взглядишь—и изумишься,
Полонъ радости понятной:
То не снѣгъ, то цвѣтъ весенній,
Бѣлоснѣжный, ароматный.

Что за диво! снѣгъ растаялъ,
Майскій цвѣтъ повсюду блещетъ,
И опять любовью страстной
Сердце юное трепещетъ.

2.

Ты слышишь разцвѣтъ зеленеющей листвы,
Дѣвственной ибгой сияя;
Весело солнце смѣется съ небесъ:
„Здравствуй, весна молодая!“

Снова я слышу и васъ, соловьи!
Слышу печальные звуки,
Полные скорби и тихой любви,
Полные страсти и муки.

3.

Внимательныя глазки весеннихъ пчелъ—
И смотреть, какъ будто любя:
Любовью униженъ ты . . . знай же, что ей
Легко и возвысить тебя.

Какъ нѣжно на линахъ поютъ соловьи!
Ихъ ибсны волшебна-мила . . .
Подъ звукъ ея чувства проснулись мои
И снова душа оживла.

4.

Я люблю я цвѣтокъ, но какой я не знаю—
И сильно грущу;
И въ каждый я вѣщичь свой взоръ
устремляю—
И сердца ищу.

Цвѣты разгорѣлись подъ зорькою красной,
Поеть соловей;
Ищу я цвѣточка съ душою прекрасной,
Подобной моей.

Поеть соловей. Его чудные звуки
Я понялъ вполне.
Увы! насъ обоихъ волненья и муки
Томятъ наравнѣ.

5.

Вернулась весна молодая—
И ожилъ безжизненный лѣсъ,
И тучки уносятся, тая,
Со свѣтлой лазури небесъ.

Поютъ обаятельно пташки
Во мракѣ зеленыхъ вѣтвей,
И рѣзвой толпою баранки
Бѣгутъ по раздолью полей.

Но мрачно на нивѣ зеленой
Лежу я подъ солнцемъ весны,
И мнится мнѣ звонъ отдаленный,
И смутные грезятся сны.

6.

Вихо въ душу льются звуки,
Вешней прелести полны.
Понесись ты въ край далекій,
Пѣсня чудная весны!

Мчись ты къ дому, гдѣ цвѣточки
Серебрить весенній свѣтъ;
Если розу тамъ увидишь,
Передай ей мой привѣтъ.

7.

Въ прекрасную розу влюбленъ мотылекъ—
И вѣчно порхаетъ надъ ней;
А свѣтлое солнце въ него влюблено—
И жжетъ его зноемъ лучей.

Но страстно провѣдать хотѣлось-бы мнѣ,
Кто розу чаруетъ собой?
Быть можетъ, то дивный пѣвецъ-соловей?
Иль, можетъ быть, мѣсяцъ нѣмой?

Не знаю... но мною любимы вы всѣ:
И роза въ сіяньи лучей,
И солнце, и мѣсяцъ, и фатъ-мотылекъ,
И дивный пѣвецъ-соловей.

8.

 ромбо зашпли деревья,
 Гнѣзда пропикнуты звономъ...
 Кто же, скажи, капельмейстеръ
 Въ этомъ оркестрѣ зеленомъ?

Можетъ быть, чибись суровый,
 Клювь свой насунившій важно?
 Или педантъ, что кукуеть
 Мѣрно, серьезно, протяжно?

Или, быть можетъ, то аистъ?
 Важно стучить онъ ногою,
 Будто взаправду онъ править
 Этой капеллой лѣсною.

Нѣтъ... въ моемъ собственномъ сердцѣ
 Тактъ хоровой раздается;
 Этотъ лѣсной капельмейстеръ
 Богомъ Амуромъ зовется.

9.

 начала былъ въ мирѣ одинъ соловей,
 „Гремѣлъ по вселенной онъ пѣсней
 своей;

„Онъ пѣлъ, и подь пѣсни явились на свѣтъ
 „Фіалка и травы и яблоней цвѣтъ.

„Онъ грудь укусилъ себѣ. Алой струей
 „Струилася кровь изъ груди молодой,
 „И выросла роза, гдѣ канала кровь,—
 „И страстно той розѣ онъ пѣлъ про любовь.

„Онъ всѣмъ намъ, кто только умѣетъ летать,
 „Той кровью изъ рапы принесъ благодать;
 „Но смолкнетъ та пѣсня подь сѣнью небесъ,—
 „И мигомъ погибнетъ полудночный лѣсъ...“

Такою легендой старикъ-воробей
 Дѣтей поучаетъ во мракѣ вѣтвей,
 И тонкимъ воробка пищитъ голоскомъ,
 На мѣстѣ почетномъ съ нимъ сидя рядкомъ.

Она, какъ жена, восхищаетъ нашъ взоръ:
Выводитъ птенцовъ безъ капризовъ и ссоръ:
А старый болтаетъ, бездѣльемъ томимъ,
Про догматы вѣры малюткамъ своимъ.

10.

Въ темную ночь чародѣйка-весна
Много цвѣтовъ родила;
Сильно боюсь, чтобы въ сердцѣ она
Снова любви не зажгла.

Кто-же изъ васъ мнѣ, питомцы почей,
Сѣти разставить свои?
„Больше всего берегись ты лилей“!
Звонко поютъ соловьи.

розный часъ пробилъ! судьба моя мрачна!

Вновь гляжу на свѣтъ растеряннымъ
я взоромъ.

Пара черныхъ глазъ и свѣтлая весна
Снова мнѣ грозить жестокимъ заговоромъ.

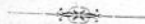
Свѣтлая весна и черныхъ глазокъ взоръ
На-сердце опять навѣяли мнѣ грезы,
И сдается мнѣ, что въ этотъ заговоръ
Вхѣстѣ съ соловьемъ замѣшаны и розы.

лезъ любви и тихой скорби

Страстно сердцемъ жажду вновь,
И боюсь, что эту жажду
Утолить теперь любовь.

Сладкой мукой, горькой пѣгой
Не давая мнѣ уснуть,
Вновь она прокралась тихо
Въ заживающую грудь.

13.

В лазки весны голубые
Влещутъ на полѣ кругомъ;
Крошки-фиалки для милой
Будутъ прелестнымъ вѣнкомъ.

Молча я рву ихъ... Но, Боже,
Кто разсказалъ соловью
Сердца завѣтную грезу,
Тайную думу мою?

Все, что мнѣ въ мысли приходитъ,
Громко въ лѣсу онъ поетъ;
Всѣ мои нѣжныя тайны
Мигомъ весь лѣсъ узнаетъ.

14.

Если, другъ мой, очень близко
Ты подчасъ проходишь мимо,
За тобой, ликуя сердцемъ,
Рвусь во слѣдъ неудержимо.

Но какъ только обернешся
И увижу взоръ твой строгій—
Сердце въ страхѣ такъ трепещетъ,
Что едва плетутся ноги.

15.

В раздумьи глядит водяная лилея
Изъ моря на сводъ голубой,
А мѣсяцъ съ небесъ ее пѣжитъ лучами
Со свѣтлой любовной тоской.

И въ сияющимъ волнамъ она никнетъ головкой,
Стыдливой тревоги полна,
Но снова въ испугѣ тамъ блѣднаго друга
У ногъ своихъ видитъ она.

16.

Сорокъ глазъ твой? въ эти пѣсни
Лучше всматривайся ты;
Въ нихъ увидишь свѣтлый образъ
Вѣчно-юной Красоты.

Чуюкъ слухъ твой? ты услышишь,
Какъ поетъ она въ тиши:
Смѣхъ и плачъ ея нарушатъ
Сладкій сонъ твоей души.

Ты, какъ я, ее полюбишь!
Рѣчь и взоръ тебя плѣнять—
И пойдешь бродить по рощамъ,
Вешней презою объять.

ачёмъ по ночамъ здѣсь шатаешься ты?
Смотри, какъ въ испугѣ смутились
цвѣты,

Какъ робко трепещуть фиалки,
Какъ роза стыда и смятенья полна,
Какъ лилія стала блѣднѣй полотна,
Какъ бѣдныя тихи и жалки.

—О мѣсяцъ! невинны и святы цвѣты—
И правы, въ сознаньи своей чистоты...
Предъ ними я грѣшенъ отчасти...
Кто зналъ, что подслушать удастся цвѣтамъ
Все то, что я звѣздамъ шепталъ по ночамъ
Въ порывѣ восторга и страсти?

Какъ дышуть любовью и нѣрой
Лазурные глаза твои!

Ихъ ласковымъ взглядомъ взволнованъ,
Я молча стою въ забыты.

Ахъ, эти лазурные глазки
Мнѣ грезятся ночью и днемъ—
И море лазурныхъ видѣній
Волнуется въ сердцѣ моемъ.

Снова мрачная угасла,
 Снова грудь любви полна,
 Снова въ сердце мнѣ вдохнула
 Чувства нѣжныя весна.

Вновь съ утра до поздней ночи
 Я брожу въ тѣни аллея;
 Вновь ищу подъ каждой шляпкой
 Лицъ возлюбленной моей.

Вновь по-долгу въ ожиданьи
 На мосту стоять я радъ:
 Не проѣдетъ-ли малютка,
 Не увижу-ль милый взглядъ.

Снова въ шумъ водъ угрюмыхъ
 Звуки скорби слышу я;
 Снова сердцемъ понимаю
 Рѣчи грустныя ручья.

Снова умъ съ дороги сбился,
 Очарованъ сладкимъ сномъ—
 И въ густахъ смѣются птицы
 Надъ влюбленнымъ дуракомъ.

20.

вой запахъ намъ роза весенняя льеть—
Но запаха сладость понятна-ли ей?
Поеть соловей—но едва-ль сознаеть,
Какъ душу волнуетъ онъ пѣсней своей.

Ну, что-же! пусть чувства въ нихъ нѣтъ
и слѣда,
Пусть даръ этотъ не былъ отъ неба имъ данъ,—
Вѣдь истины горькой милѣй намъ всегда
Ласкающій душу обманъ.

21.

Люблю тебя сильно—и долженъ, несча-
стный,
Скорѣ бѣжать... не сердись на меня!
Подъ пару-ль, скажи мнѣ, твой образъ пре-
красный
И блѣдно-худая наружность моя?

Люблю тебя сильно—и что за мученье!
Блѣднѣй и печальнѣй я день ото дня,—
И скоро я, скоро внушу отвращенье—
Я долженъ бѣжать... Не сердись на меня!

22.

Врожу я въ саду межъ цвѣтами
И самъ разцвѣтаю душой;
Брожу я подъ чарами грезы
Невѣрной и шаткой стеной.

Мой другъ! поддержи меня крѣпко...
Иначе—у всѣхъ на виду,
Въ своемъ опьяненнѣ любовью,
Я къ ножкамъ твоимъ упаду.

23.

Вакъ мѣсяцъ свой образъ прекрасный
Въ морскихъ отражаетъ волнахъ,
А самъ онъ, спокойный и ясный,
Свершаетъ свой путь въ небесахъ,—

Такъ точно, мой другъ безмятежный,
Идешь своимъ мирнымъ путемъ,
И свѣтится образъ твой нѣжный
Въ трепещущемъ сердцѣ моемъ.

24.

Сердца наши, другъ мой, навѣкъ заклю-
чили

Священный союзъ межъ собой.

И крѣпко, и страстно другъ къ другу прижались—

И жизнью забилась одной.

Была на груди твоей юная роза,

Любви ароматный цвѣтокъ;

Но сжали мы сильно союзницу нашу—

И бѣдную сжали въ комокъ.

25.

Кажь, кто открылъ намъ устройство
часовъ,

Кто время въ секунды расчестъ быть готовъ?

—То былъ меланхоликъ. По зпнимъ ночамъ

Душой предавался онъ грустнымъ мечтамъ—

И слушалъ, какъ мыши въ подпольѣ шумѣли

Да червь неустанно прогрызываетъ щели.

А кто изобрѣлъ поцѣлуй огневой?

—Румяныя губки четы молодой.

Безъ думъ, безъ конца цѣловалась она...

Въ то время надъ міромъ царилъ весна,

Смѣялося солнце, луга зеленѣли

И звонко по рощамъ малиновки пѣли.

26.

Иудный запах льют гвоздики;
Звѣзды трепетнымъ огнемъ,
Словно пчелки золотыя,
Влещуть въ небѣ голубомъ.

Межъ капитанами бѣлѣютъ
Стѣны милаго жилья;
Слышу звонъ стеклянной двери,
Милый голосъ слышу я.

Робкій шопоть, сладкій трепеть,
Ласки пѣжныя любви—
И подслушиваютъ розы,
И рокочутъ соловьи.

27.

И нѣ ужь снились эти грезы,
Этотъ рай успѣлъ узнать я...
Тѣ-же птицы, тѣ-же розы,
Тѣ-же ласки и объятя;

Тотъ-же садъ, луна все та-же
Надъ рѣкой сияетъ сонной,
Тѣ-же статуи на стражѣ
Предъ бесѣдою зеленой.

Ахъ, непрочны эти грезы...
Только осенью повѣтъ,—
Мигомъ свянуть эти розы,
Мигомъ сердце охладѣтъ.

И едва остынемъ сами,
Мы забудемъ неизбежно
Все, что страстными сердцами
Любимъ пламенно и пѣжно.

Пощьлуй, когда онъ тихо
 Въ темнотѣ напечатлѣнъ,—
 Что за счастьемъ наполняетъ
 Сердце любящее онъ!

О, тогда невольно разомъ
 Вспыхнуть въ сердцѣхъ молодомъ
 Наши грезы о грядущемъ,
 Наши думы о быломъ.

Но при нѣгѣ пощѣдуевъ
 Надо думы эти гнать...
 Лучше плакать! въ это время
 Слезы, право,—благодать.

Былъ царь... его сердце остыло,
 Блестала, какъ снѣгъ, сѣдина;
 У бѣднаго дряхлаго старца
 Была молодая жена.

Былъ пажъ, бѣлокурый красавецъ...
 Онъ былъ остроуменъ и милъ,
 И полковый шлейфъ онъ повсюду
 За юной царицей носилъ.

Знакома-ль вамъ старая пѣсня?
 Въ ней слышится скорбь и тоска.
 Пришлось умереть имъ... Ужь слишкомъ
 Была ихъ любовь глубока.

Въ моей памяти вспыли картины
Изъ давно пережитыхъ временъ...
Отчего твоимъ голосомъ милымъ
Я такъ сильно въ думѣ потрясенъ?

Не клянись мнѣ въ любви вѣковѣчной!
Вѣдь я знаю—придутъ времена,
И должны отдрѣсти неизбежно
И любовь, и цвѣты, и весна.

Не клянись мнѣ въ любви вѣковѣчной!
Прижми меня молча къ груди—
И на вялыхъ розахъ ты утромъ
Съ молчаливой улыбкой гляди.

Въ при лунѣ благоухаютъ
Липы стройныя кругомъ,
Звукъ трели соловьиной
Льются въ воздухъ ночномъ.

„Ахъ, какъ мило здѣсь подъ липой!
Посмотри, какъ съ вышины
Листья нѣжно серебрятся
Свѣтомъ трепетнымъ луны.“

„Посмотри на листья липы!
Форма сердца имъ дана—
Оттого-то всѣмъ влюбленнымъ
Такъ и нравится она.“

„Улыбнулся ты, какъ будто
Грезы сладкія тах...
Ахъ, скажи, какимъ желаньемъ
Грудь взволнована твоихъ?“

Я скажу тебѣ охотно...
Я-бъ хотѣлъ, мой милый другъ,
Чтобы вдругъ глубокимъ снѣгомъ
Все покрылось вокругъ;

Чтобы, снѣвъ въ рѣзныя сани,
Въ теплыхъ шубахъ мы вдвоемъ
Пролетали дугъ и рѣки,
Звонко хлопая бичомъ.

Черезъ лѣсъ при лунномъ свѣтѣ
Эльфы рѣзво пролетѣли;
Громко рожки ихъ трубили
И бубенчики звенѣли.

На коняхъ золоторогихъ,
Быстроногихъ какъ олени,
Стаей птицъ оны промчались—
И исчезли въ отдаленьи.

И съ улыбкой ихъ царница
Мнѣ кивнула на прощанье...
Это что-же? знакъ любви-ли,
Или смерти предвѣщанье?

В письмѣ фиалокъ, дорогой,
 Я утромъ шлю тебѣ привѣтъ;
 Настанетъ ночь—и розъ душистыхъ
 Я приношу тебѣ букетъ.

Ты знаешь, другъ мой, что должны-бы
 Тебѣ цвѣты мои вручить?
 Что днемъ должна ты быть мнѣ вѣрной,
 А по ночамъ меня любить.

В письмѣ твоимъ я, другъ мой,
 Напуганъ очень мало:
 Любить меня не хочешь,—
 А много написала.

Испанная мелко,
 Тутъ рукопись большая...
 Кто пишетъ такъ пространно,
 Отставку посылая?

Не страшись! скрывать отъ свѣта
 Я любовь свою привыкъ,
 Хоть красу твою съ восторгомъ
 Вѣчно славить мой языкъ.

Нѣтъ! подъ лѣсомъ розъ душистыхъ
 Глубоко я въ пѣсняхъ скрылъ
 И пылающую тайну,
 И сердечный тайный пылъ.

Пусть сомнительная искра
 Изъ-подъ розъ порой блеснетъ—
 Ты не бойся! это пламя
 Свѣтъ поэзіей сочтеть.

Дни и ночи непрерывно
 Оглашаетъ вѣшній звонъ
 И ко мнѣ веселымъ эхомъ
 Проникаетъ даже въ сонъ.

Но во снѣ напѣвы птичекъ
 Мнѣ милѣй еще звучать,
 Воздухъ чище, отъ фіалокъ
 Лется слаще аромать.

Розы кажутся краснѣе,
 Лется свѣтъ отъ ихъ листовъ,
 Какъ отъ ангеловъ въ картинахъ
 Знаменитыхъ мастеровъ.

Самъ себя уподобляя
 Въ эту пору соловью,
 Въ чудныхъ пѣсняхъ этимъ розамъ
 Про любовь свою пою.

Такъ пою я имъ, покамѣсть
Блескомъ солнечнаго дня,
Иль другими соловьями
Не разбужень буду я.

37.

Звѣзды ножками златыми
Тихо ходять въ вышинѣ,
Чтобъ земли спокойнѣй спала
Въ полуночной тишинѣ.

Каждой вѣткой, словно ухомъ,
Чутко внемлетъ темный боръ,
И тѣнистыя объятя
Холмъ далеко распростеръ.

Чу! поютъ... и чуткѣмъ сердцемъ
Этимъ звукамъ вторю я.
Голосокъ-ли это милой,
Или трели соловья?

38.

Весна какъ будто-бы отравлена кручиной:
Печальные цвѣты и пасмурные сны...

И звуки пѣсни соловьиной
Тоскою тайною полны.

Не смѣйся-же, дитя, не смѣйся беззаботно,
Такъ лено, веселю, не смѣйся, я прошу...

О лучше плачь! слезу охотно
Я поцѣдемъ осушу.

39.

Вѣдь разстаться нужно съ милой,
Опять умчаться нужно въ даль.
О, какъ хотѣль-бы я остаться,
Какъ давить грудь мою печаль!

Гремитъ карета, мостъ трясется,
Катится жалобно рѣка.
Со счастьемъ снова расстаюсь я—
И слова на-сердцѣ тоска.

На небѣ звѣздочки въ смятеньи,
Поражены моей бѣдой...
Прости, родная! гдѣ-бъ я ни былъ,
Я буду сердцемъ здѣсь съ тобой.

40.

азцвѣтаетъ въ душѣ у насъ чувство,
А потомъ увядаетъ оно,
И опять разцвѣтаетъ и вянетъ...
Такъ до гроба идти суждено.

Это нѣгу любви омрачаетъ,
Омрачаетъ мнѣ все бытіе,
И въ груди обливается кровью
Остроумное сердце мое.

41.

ебо старцемъ красноглазымъ
Смотритъ мрачно съ вышины;
Облака на немъ нависли,
Какъ густыя сѣдины.

Подъ его суровымъ взоромъ
Вянутъ листья на цвѣтахъ,
Вянутъ чувства, вянутъ ибси
Въ человѣческихъ сердцахъ.

42.

Вгрюмъ и золь, съ остывшею душою
Скитаюсь я подь небомъ чуждыхъ
странь;

Осеннихъ дней сгустившійся туманъ
Весь мертвый край окутываетъ мглою.

Свистить, гудить и, полонъ дикой злости,
Листы съ вѣтвей срываетъ ураганъ,
И стонетъ лѣсъ, и паръ встаетъ съ полянъ,
И дождь на зло опять явился въ гости.

43.

Вадь низкой долиной, надъ высями горъ
Туманъ разостлался осенній,
И смотреть деревья, свой скинувъ уборъ,
Громадной толпой привидѣній.

И только межъ ними березка одна
Стоитъ съ уцѣлѣвшей листвою,
И будто-бы плача, нѣма и грустна,
Зеленой трясетъ головою.

Душа моя также, какъ роща, мертва,
Въ ней осень царитъ роковая,
И также цвѣтеть въ ней живая листва—
То милый твой ликъ, дорога!

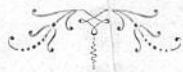

Небо сѣро, какъ и было!
Тѣ-же зданья вѣковыя
Вяло, робко и уныло
Въ волны смотрятся рѣчныя.

Всѣ носы, какъ прежде, длинны,
Да и люди неизмѣнны:
Иль сгибають низко спины,
Иль запосчиво-кадменны.

Югъ, съ тѣхъ поръ мнѣ втрое краше
Небеса твои и боги,
Какъ я вижу небо наше
И народъ его убогій.

Прологъ.

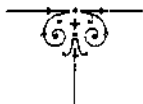
Гревосходные черные фраки,
Бѣлоснѣжныя модныя платья,
Поцѣлуй да сладкія рѣчи...
Только сердца не могъ отыскать я,

Сердца, полного теплой любовью...
Не могу безъ досады и скуки
Выносить ваши лживые вздохи,
Ваши мнимо-любовныя муки.

Въ горы, въ горы отъ васъ убѣгу я,
Гдѣ смиренны и искренни люди,
Гдѣ свободнѣе вѣтеръ гуляетъ
И привольнѣе дышется груди;

Гдѣ темнѣютъ высокія ели,
Прихотливыя волны гремучи,
Соловьи заливаются звонко
И надменно проносятся тучи.

Я васъ кину, блестящія залы,
Я блестящее общество кину...
Въ горы, въ горы! оттуда со смѣхомъ
Посмотрю я на вашу долину.

НА ГАРДЕНБЕРГЪ.

Оставайте, вѣтавайтевы, старіягрезы!...
Вы жили въ сердцѣ моемъ...
И сладкія пѣсни, и горькія слезы
Неволью забилы ключомъ.

Пойду и бродить по зеленому лѣсу,
Гдѣ рѣзно струится ручьи,
Гдѣ съ гордой осанкой гуляютъ олени
И звонко поютъ соловьи.

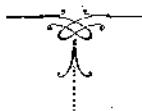
Пойду и взберусь на высокія горы,
Взойду на утесъ я крутой;
Гдѣ утромъ заря на развалины замка
Бросаетъ свой лучъ золотой.

Тамъ тихо, безмолвно сажусь я на камень,
Печальною думой томимъ...
Мнѣ въ мысли приходятъ старинные люди
Съ минувшимъ величьемъ своимъ.

Давно здѣсь травой покрыта арена,
Гдѣ рыцарь въ доспѣхѣхъ стальномъ,
Противниковъ лучшихъ въ бою поразивши,
Вѣнчался побѣднымъ вѣнкомъ.

И вьется уже плющъ на высокомъ балконѣ,
Откуда, бывало, не разъ
Прекрасная дама сражала героя
Чарующимъ пламенемъ глазъ.

Но смерть ихъ обоихъ давно побѣдила...
Увы! этотъ рыцарь худой
Безъ всякой лошади косою поражаетъ
Все то, что живетъ подъ луной.

Горная Идиллія.

1.

Въ горѣ въ избѣ убогой
Рудокопъ живетъ сѣдой;
Тамъ сосна шумитъ вѣтвями,
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой.

Мягкій стулъ стоитъ въ избушкѣ,
Взоръ рѣзьбой своей маня;
Кто сидитъ на немъ, тотъ счастливъ,
И счастливчикъ этотъ—я.

И сидитъ малютка-чудо
На скамейкѣ предо мной;
Глазки звѣздочкамъ подобны,
Губки—розѣ молодой.

На меня она возводит
Взоръ, подобный небесамъ,
И подноситъ хитро ручку
Къ милымъ розовымъ устамъ.

Нѣтъ, не видятъ насъ. Прилежно
Мать вдали прядетъ свой ленъ,
А отецъ поетъ подъ лютню
Пѣсню дѣдовскихъ временъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Еле слышно въ тишинѣ;
Въ этотъ часъ она не мало
Важныхъ тайнъ открыла мнѣ.

„Какъ не стало старой тетки,
Скука вѣчно мучитъ насъ.
Съ нею въ городъ я ходила...
Тамъ такъ весело подчасъ.

„Здѣсь напротивъ такъ уныло
Средь могильной тишины,
А зимой мы совершенно
Будто въ снѣгъ погребены.

„Я-жъ труслива, какъ ребенокъ,
Вся дрожу я по ночамъ:
Знаю, ночью злые духи
Здѣсь гуляютъ по горамъ...“

Вдругъ малютка замолчала,
Смысломъ словъ уstraшена,
И закрыла глазки ручкой,
Страхъ тайнаго полна.

Громче прятка зажужала,
Громче слышенъ шумъ сосны,
И звучитъ подъ звуки лютни
Громче пѣсня старины:

„Не страшись! злой духъ не тронетъ,
Будетъ страхомъ онъ объять;
Надъ тобой всегда на стражѣ
Божьи ангелы стоять.“

2.

Дихо ручкою зеленой
 Къ намъ въ окно стучить сосна,
 И съ нескромнымъ любопытствомъ
 Смотритъ въ комнату луна.

Въ небольшой сосѣдней спальнѣ
 Мать хранитъ уже съ отцомъ...
 Мы-жъ не въ силахъ нашептаться—
 И сидимъ себѣ вдвоемъ.

„Нѣтъ, что молишься ты часто,
 Я-бы вѣрить не могла;
 Трепетъ губъ твоихъ холодныхъ
 Не молитва родила.

„Этотъ злой холодный трепетъ
 Смерти кажется страшнѣй,
 Но боязнь мою смиряетъ
 Кроткій взглядъ твоихъ очей.

„Сомнѣваюсь, чтобъ ты вѣрилъ
 Въ то, что правитъ всей землей,
 Въ то, что всё мы называемъ
 Нашей Троицей Святой“.

—Ахъ, дитя, еще ребенкомъ
 Твердо вѣрилъ я въ Отца:
 Онъ великъ, Онъ правитъ вѣчно
 Безъ начала и конца.

Онъ людей искусно создалъ,
 Шаръ земной Онъ сотворилъ,
 Солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ
 Путь навѣки начертилъ.

Росъ я... мысль моя съ лѣтами
 Стала больше развита;
 Сталь я старше и умнѣе,—
 И повѣрилъ я въ Христа.

Онъ явился въ мѣръ съ любовью—
 Отучить людей отъ зла,
 И толпа, за то въ награду,
 Кровь святую пролила.

Годы шли... я много ѣздилъ,
Много видѣлъ предъ собой,—
И теперь въ Святаго Духа
Сталъ я вѣрить всей душой.

Онъ чудесъ великихъ много
И свершаетъ и свершилъ;
Сбилъ онъ деспотовъ твердыни,
Цѣпи рабства сокрушилъ.

Лечить язвы, воскрешаетъ
Право ветхой старины:
Всѣ на свѣтѣ по рождению
Благородны и равны.

Мракъ густой онъ разсѣваетъ,
Гонить призраки отъ насъ,
Чтобъ любовь и радость нашу
Не смущали каждый часъ.

Много рыцарей въ доспѣхахъ
Духъ Святой наwerbовалъ,
Даровалъ имъ твердость воли
И отвагу даровалъ.

Ихъ мечи звучать и блещутъ,
Вѣетъ знамя ихъ полковъ...
Что, малютка, ты-бъ хотѣла
Увидать такихъ бойцовъ?

Такъ взгляни-жь сюда скорѣе,
Обхвати меня рукой
И цѣлуй, цѣлуй смѣлѣе:
Рыцарь Духа предъ тобой.

3.

Скрылся мѣсяцъ за сосною,
Тихо въ сумракѣ ночью;
Тускло свѣтитъ наша лампа
Догорающимъ огнемъ.

Но горять глаза малютки,
Свѣтлой радостью блестя,
И румяными устами
Шепчетъ милое дитя:

„Домовые наши любятъ
Хлѣбъ и сало воровать;
На-ночь въ ящичъ ихъ положивъ,
Утромъ крошки не видать.

„Лижуть сливки и уходятъ,
Не прикрывъ опять горшка,
Ну—и кошка выпиваетъ
Весь остатокъ молока.

„А вѣдь кошка наша—вѣдьма:
Ночью бури слышенъ вой,
А она на гору духовъ
Мчится къ башнѣ вѣковой.

„Тамъ стоялъ когда-то замокъ,
Весь сія по ночамъ;
Въ немъ кружилось въ чудныхъ пляскахъ
Много рыцарей и дамъ.

„Но колдунья все сгубила
Силой злыхъ волшебныхъ словъ,
И живутъ въ руинахъ замка
Стаи филиновъ и совъ.

„Но мнѣ тетка говорила,
Будто слово есть одно:
Если въ часъ тотъ и въ томъ мѣстѣ
Будеть сказано оно,—

„Изъ развалинъ встанетъ замокъ,
Весь сія по ночамъ;
Снова въ залахъ тамъ запляшетъ
Много рыцарей и дамъ.

„Тотъ, кто скажетъ это слово,
Будетъ замкомъ обладать;
Будутъ въ честь его величья
Трубы съ флейтами звучать...“

Такъ изъ устъ ея не мало
Чудныхъ слышится рѣчей,
И блеститъ мнѣ свѣтъ прекрасный
Голубыхъ ея очей.

Кудри русыя на пальцы
Навиваетъ мнѣ дитя,
И даетъ имъ много кличекъ,
И цѣлуетъ ихъ шутя.

Въ скромной комнатѣ все смотритъ
Такъ привѣтно и чудно:
Столъ и шкафъ... какъ будто съ ними
Я знакомъ уже давно.

Тихо маятникъ лепечеть,
Тихо лютня въ тишинѣ
Прозвучитъ сама собою...
И сижу я, какъ во снѣ.

—Мы теперь въ завѣтномъ мѣстѣ,
Часъ завѣтный настаетъ;
Слово тайное скажу я,—
Этотъ замокъ оживеть.

Вотъ смотри, дитя: свѣтлѣетъ,
Скрылась блѣдная луна;
Сосны, горы и потоки
Пробуждаются отъ сна.

Звуки лютни, пѣсни гномовъ
Раздались изъ щелей горъ,
И весна по нивамъ стелеть
Пышноцвѣтный свой коверъ.

А цвѣты волшебнымъ роємъ
Пышно, сказочно блестятъ;
Изъ широкихъ пестрыхъ листьевъ
Лететь страстный ароматъ.

Розы страстью пламенѣютъ—
И чудеснѣй ихъ краса;
А стебли хрустальныхъ липъ
Гордо смотреть въ небеса.

Звѣзды блещутъ, точно солнца,
Все страстиѣй и горячиѣй—
И съ любовью въ чаши лилій
Льютъ сны своихъ лучей.

Но и мы не тѣ, что прежде,
И сидимъ мы не вдвоемъ;
Шолькѣ и золото и лампы
Блещутъ весело кругомъ.

Ты въ принцессу обратилась,
Хата—въ замокъ дорогой;
Дамы съ рыцарями шумно
Вьются въ пляскѣ круговой.

Я-же сдѣлался, счастливецъ,
Обладателемъ всего,
И литавры загремѣли
Въ честь величья моего.

ПАСТУШОКЪ.

Пастушокъ—монархъ могучій!
Мягкій лугъ—его дворецъ,
Солнце—яркій, лучезарный,
Золотой его вѣнецъ.

Передъ нимъ въ крестахъ и лентахъ
Овцы льстивыи лежатъ
И съ величьемъ камергеровъ
Группы шествуютъ телятъ.

Тымы козлятъ игрою рѣзвой,
Какъ актеры, тѣнать взоръ;
Флейты птицъ, звонки коровокъ—
Дорогой придворный хоръ.

Все звенитъ, поетъ, играетъ!
И притомъ шумятъ кругомъ
Темный боръ и водонады...
И король забылся сномъ.

Той порою править царствомъ
Песъ, усерднѣйшій изъ слугъ,—
И министра лай сердитый
Громко слышится вокругъ.

А король во снѣ лепечеть:
Горе—участь королей;
Я хотѣлъ-бы быть ужь дома
Съ королевою моею.

Нѣжно царственной главою
Къ ней на грудь прилесть-бы я...
Вѣдь въ глазахъ ея—держава
Безграничная моя!

НА БРОКЕНЬ.

Жь свѣтлѣетъ на востокъ;
Всходитъ солнце; спятъ долины;
И кругомъ въ волнахъ тумана
Тонуть горныя вершины.

Сапоги-бы скороходы!
Съ быстротой невыразимой
Полетѣлъ-бы черезъ горы
Я къ жилью моему любимой.

Тамъ открывъ тихонько пологъ
Надъ кроваткою голубки,
Цѣловать-бы сталъ ей глазки
И рубиновыя губки.

И въ ушко я ей шепнуть-бы:
„Спи, дитя, и вѣрь надеждѣ,
Что во-вѣкъ тебя не кину
И люблю тебя, какъ прежде“.

Ильза.

Я зовуся принцессою Ильзой,
Ильзенштейнъ—мой дворець голубой;
Приходи въ этотъ замокъ хрустальный,
Мы блаженствовать будемъ съ тобой.

Омочу тамъ прохладной волною
Я чело твое, блѣдный мой другъ,—
И замретъ твоя злая забота,
И уймется тяжелый недугъ.

Между рукъ моихъ бѣло-лилейныхъ,
На груди бѣлоснѣжной моей,
Позабудешься въ сказочныхъ грезахъ
О блаженствѣ промчавшихся дней.

Цѣловать и ласкать тебя стану,
Какъ ласкала я Генриха встарь.
Ужь давно въ этихъ ласкахъ не таятъ
Мой покойный любовникъ и царь.

Пусть лежать мертвецы подъ землею,
Пусть живетъ, въ комъ волнуется кровь;
Молода я, свѣжа и прекрасна—
И кипитъ въ моемъ сердцѣ любовь.

Приходи-же въ хрустальный мой замокъ,
Приходи въ мой дворець голубой;
Много фрейлинъ и рыцарей въ танцахъ
Тамъ кружится веселой гурьбой.

Шелестятъ тамъ парчевыя платья,
Раздается тамъ звяканье шпоръ,
Тамъ гремятъ и литавры, и флейты,
И волшебный, чарующій хоръ.

Я, какъ Генриха въ прежнее время,
Крѣпко, крѣпко тебя обниму;
Затрубятъ,—я зажму тебѣ уши,
Какъ всегда зажимала ему.

ЦИКЛЪ 1-й.

1.

КОРОНОВАНИЕ.

, пѣсни! о, добрыя пѣсни мои!
Воспряньте, воспряньте! живѣе къ
оружью!

Пускай затрубятъ ваши звонкія трубы,
А вы мнѣ на щитъ поднимите
Ту юную дѣву,
Которая будетъ отнынѣ во-вѣки
Всевластной царицей царить въ моемъ сердцѣ.

Ура, молодая царица!

Изъ яркаго солнца
Я золота вырву
Клочокъ лучезарный—
И чудный вѣнецъ приготовлю
Для царской головки твоей.
Изъ синяго шолка небеснаго свода,
Гдѣ блещутъ ночныя алмазы,

Отрѣжу кусокъ драгоцѣнный—
И имъ, какъ порфирой, покрою
Я царскія плечи твои.
Придворную свиту тебѣ я составлю
Изъ чопорныхъ стройныхъ сонетовъ
И гордыхъ терцинъ и привѣтливыхъ стансовъ.
Мое остроуміе будетъ
Твоимъ скороходомъ придворнымъ,
Фантазія будетъ шутомъ твоимъ царскимъ,
А юморъ мой станетъ герольдомъ—
Съ веселой слезою въ гербѣ.
А самъ я, царица,
Колѣни склоню предъ тобою,
И, клятвенно вѣрность свою обѣщая,
На бархатной красной подушкѣ
Тебѣ поднесу я въ подарокъ
Тѣ жалкія крохи разсудка,
Какія оставило мнѣ состраданье
Владычицы прежней моей.

2.

СУМЕРКИ.

Въ блѣдномъ морскомъ берегу
Сидѣлъ одиноко я, грустною думой
томимый...

Все ниже и ниже склонялося солнце,
Свой царственный пурпуръ
По шумнымъ волнамъ разливая;
А бѣлыя, бурныя волны,
Гонимыя быстрымъ приливомъ,
Шумѣли все ближе и ближе,—
И въ чудномъ ихъ шумѣ былъ слышенъ и
шопотъ,
И свистъ, и журчанье, и хохотъ, и вздохи,
И, полная чаръ, колыбельная пѣсня...
Казалось, я слышу забытыя саги
И старыя чудныя сказки,—
Тѣ сказки, что нѣкогда въ возрастѣ дѣтскомъ
Слыхалъ отъ дѣтей я сосѣднихъ,

Когда мы въ вечернюю лѣтнюю пору
Тѣснились на узкихъ крылечныхъ ступенькахъ
И жадно разсказамъ внимали.
Какъ чутко въ насъ бились при этомъ сердечки!

Какъ ярко въ восторгѣ блистали
Пытливые, умные глазки!
А взрослыя дѣвушки, сидя напротивъ,
У оконъ, гдѣ розы въ горшкахъ разцвѣтали,
На насъ любовались,
Съ улыбкой на розовыхъ лицахъ,
Луной озаренныхъ...

3.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАКАТЪ.

огненно-красное солнце садится
Въ далеко бѣгущее бурною зыбью,
Серебрянно-сѣрое море.
Воздушныя тучи съ багрянымъ отливомъ
Несутся за нимъ... а напротивъ,
Изъ хмураго полога тучекъ осеннихъ,
Съ лицомъ своимъ грустнымъ и мертвенно-
блѣднымъ

Явилась луна;
За нею-жь, какъ искорки свѣта,
Въ дали непроглядно-туманной
Затеплились свѣтлыя звѣзды.

Когда-то на небѣ сіяли
Четою прекрасной
Богъ-солнце съ богиней-луною,

И тихо вокругъ нихъ копошились звѣзды,
Невинныя дѣти—малютки.

Но злыя навѣты межъ ними раздоръ посе-
лили,—

И вотъ разошлася враждебно
Высокая, свѣтлая пара.

И нынѣ весь день въ красотѣ одинокой
Гуляетъ по небу богъ-солнце,
И много за блескъ его царственно-гордый
Его прославляютъ, его почитаютъ
Надменные баловни счастья.

А ночью безрадостно бродить по небу
Богиня-луна—эта бѣдная мать—

Съ толпою малютокъ-сиротокъ
И свѣтитъ въ безмолвной печали...

И дѣвушки съ любящимъ сердцемъ
И съ кроткой душою поэты

Всегда посвящаютъ
Ей слезы и пѣсни.

О, кроткая, грустно-нѣмая богиня!
Незлюбивой, женственно-доброй душою

Она еще любить красавца-супруга,
И вечеромъ часто, дрожа и блѣднѣя,
Глядитъ она робко изъ тучекъ прозрачныхъ
Печальнымъ, страдальческимъ взоромъ
Во-слѣдъ уходящему солнцу,
И—кажется—хочетъ воскликнуть съ мольбою:
„Вернись, о, вернись! по тебѣ твои дѣти
тоскуютъ“...

Но гордый богъ-солнце, при видѣ супруги,
Сейчасъ покрывается алымъ румянцемъ,
Румянцемъ печали и гнѣва,
И быстро спѣшитъ опъ укрыться
Въ свое одинокое, влажно-холодное ложе.

Вотъ такъ клевета языкомъ своимъ злоб-
нымъ

Погибель и скорбь поселили
Средь вѣчныхъ боговъ,—
И бѣдные боги, не зная отрады,
По небу проходить
Печально свой путь безконечный,
И нѣтъ для нихъ смерти,

И вѣчно влачатъ они всюду
Свое лучезарное горе.

Такъ мнѣ-ль, человѣку,
Стоящему низко,
Счастливому смертью,
Такъ мнѣ-ли роптать?

Ночь на берегу.

Ночь холодна и беззвѣдна—
И море кипитъ... а надъ моремъ
На брюхѣ, ничкомъ распластавшись,
Разлегся Борей неуклюжій.
Таинственной, хрипло-прерывистой рѣчью,
Какъ старый ворчунъ, подгулявшій невѣру,
Ведеть онъ бесѣды съ пучиной
И глухо бормочетъ ей много нелѣпыхъ исто-
рій,
Забавныхъ рассказовъ о сильныхъ гигантахъ
И старыхъ норвежскихъ преданій.
Порой, средь рассказа, онъ громко хохочетъ
и воетъ
И, мракъ оглашая, кричитъ на все море
Заклятья изъ эдды
И рунъ изрѣченья,—

И эти слова такъ волшебнo-могучи, такъ
мрачно-упорны,

Что бѣлыя дѣти пучины
Бушуютъ и скачутъ и громко ликуютъ
Въ разгульномъ восторгѣ.

Межъ тѣмъ въ это время по берегу моря,
По влажнымъ пескамъ, омоченнымъ волнами,
Идетъ чужеземецъ... Въ немъ сердце
Мятежливъ, чѣмъ вѣтеръ и волны.
Куда онъ ни ступить,
Взвиваются искры и раковины слышно тре-
щанье...

Обутавшись плотно плащомъ своимъ сѣрымъ,
Онъ быстро шагаетъ средь сумрачной ночи
И путь направляетъ по свѣту,
Что кроткимъ призывомъ
Блеститъ въ одинокой
Рыбачьей лачугѣ.

Уѣхали въ море и братъ, и отецъ,—
И въ бѣдной лачугѣ осталась
Одна-одинешенька дочь рыбака,
Прекрасная дочь рыбака.

Предъ печкой сидитъ она, тихо внимаю
Завѣтному, сладостно-вѣщому пѣнью
Воды, закипявшей въ котлѣ,
И хворость трескучей къ огню подбавляетъ
И дуетъ на пламя...

А красный огонь, разгораясь,
Играетъ волшебнымъ сияньемъ
На личикѣ пышно цвѣтущемъ,
На плечикѣ бѣломъ и нѣжномъ.
Что выползло робко
Изъ сѣрой и грубой рубашки,
А также на крохотной ручкѣ,
Которою юбку она поправляетъ
Вкругъ стройнаго стапа.

Вдругъ дверь распахнулась—
И входитъ ночной незнакомецъ.
Онъ смотритъ со свѣтлой любовью
На бѣлое личико дѣвушки стройной,
Стоящей предъ нимъ, содрогаясь отъ страха,
Подобно пугливой лилеѣ,—
И, бросивши плащъ свой на землю,

Съ улыбкою онъ говоритъ ей:

„Вотъ видишь, дитя, я держу свое слово!
Я снова пришелъ—и со мной воротилось
То старое время, когда вѣковѣчные боги
Къ людскимъ дочерямъ приходили,
Людскихъ дочерей обнимали
И съ ними рождали
Державные царскіе роды
И свѣтъ изумлявшихъ героевъ.
Однако, дитя мое, полно дивиться
Породѣ моей олимпійской!
Ты сдѣлай-ка лучше мнѣ чаю—да съ ромомъ...
Теперь на дворѣ безобразнѣйшій холодъ,—
А въ эти морозныя ночи
Вѣдь зябнемъ мы также, мы, вѣчные боги,
И очень легко наживаемъ
И самый божественный насморкъ,
И кашель безсмертный“.

ПОСЕЙДОНЪ.

оскошное солнце играло лучами
По зыбкимъ волнамъ безпредѣльнаго
моря.

Далеко на рейдѣ
Свѣтился корабль, на которомъ
Я ѣхать домой собирался;
Но ждалъ онъ попутнаго вѣтра,
И мирно сидѣлъ я на отмели бѣлой
Пустыннаго берега,
И пѣснь Одиссея читалъ я—
Старинную, вѣчно-прекрасную пѣснь...
Изъ дивныхъ страницъ ея, моремъ шумящихъ,
Повѣяло вдругъ мнѣ отрадною жизнью,

Дыханьемъ боговъ,
Лучезарной весною народовъ
И небомъ цвѣтущей Эллады.

Мое благородное сердце, какъ другъ, про-
вожало

Лаэртова сына въ бѣдѣ и скитаньяхъ,
Садилось съ нимъ рядомъ съ душевной то-
скою

За мирный, радушный очагъ,
Гдѣ пряли царицы пурпурныя ткани;
Оно ему лгать и хитро ускользать помо-
гало

Изъ рукъ исполиновъ, у нимфъ изъ объятій, —
И въ ночь киммерійскую, въ бурю, въ кру-
шенье,

Повсюду его провожало,
Съ нимъ вмѣстѣ терпя безконечное горе.

Вздыхая, сказала я: „о, злой Посей-
донъ!

Твой гнѣвъ безконечно ужасенъ,
И самъ я
Боюсь не вернуться въ отчизну“.

Лишь только я это промолвилъ,
Запѣнилось море,—
И гордо изъ волнъ поднялася въ вѣнцѣ
тростниковомъ

Глава повелителя моря,
И вскрикнулъ онъ съ гордой усмѣшкой:

„Не бойся, поэтикъ!

Мнѣ нѣтъ ни малѣйшей охоты
Тревожить твой бѣдный корабликъ;
Не стану смущать твою жизнь дорогую
Опасною качкой.

Вѣдь ты никогда не гнѣвилъ меня, бѣдный
поэтикъ!

Ни башенки ты не разрушилъ
Въ священной твердынѣ Пріама,
Ни волоса ты не спалилъ на рѣсницѣ
Сынка моего, Полифема,
И мудрыхъ совѣтовъ тебѣ никогда не давала
Паллада-Аѳина, богиня ума!“

Такъ мнѣ сказалъ Посейдонъ
И въ море опять погрузился...

И громко надъ грубою выходкой бога мор-
скаго

Смѣялись въ водѣ Амфитрита,
Нелѣпная женщина-рыба,
И глупыя дочки Нерея.

6.

ПРИЗНАНИЕ.

Вечеръ на землю сошелъ незамѣтно...
Грозный застонало сердитое море,
И, сидя на берегѣ, тихо слѣдилъ я
За бѣлою пляской валовъ.
Вдругъ обняло сердце мнѣ страстной тоскою—
Тоской по тебѣ, о, чарующій образъ,
Повсюду парящій за мною,
Повсюду, повсюду,
И въ говорѣ вѣтра, и въ ропотѣ моря,
И въ собственныхъ вздохахъ моихъ...

И легкимъ стеблемъ написалъ на песокѣ я:
„Агнесса! я люблю тебя!“

Но хлынули дикія волны
На сладкую исповѣдь сердца
И смыли ее.

Непрочный тростникъ! переметный песокъ!
Текуція волны! впередъ не довѣрюсь я вамъ...
Темнѣ становится небо, мятежнѣе—сердце...
Могучей рукой изъ лѣсовъ скандинавскихъ
Исторгну я самую гордую ель,
Ее обмакну я
Въ жерло раскаленное Этны—
И этимъ огнемъ-напоеннымъ
Гигантскимъ перомъ напишу я
На темномъ небесномъ покровѣ:
„Агнесса! я люблю тебя!“

И каждую ночь будетъ въ небѣ лазурномъ—
Какъ пламя, сверкать вѣковѣчная надпись;
И будутъ грядущія всѣ поколѣнья
Читать съ упоеньемъ небесныя буквы:
„Агнесса! я люблю тебя!“

7.

Ночь въ каютѣ.

Есть звѣзды на небѣ лазурномъ,
Есть перлы въ пучинѣ морей;
А сердце мое, мое сердце—
Богато любовью своей.

Обширны и море, и небо,
Но сердце обширнѣе ихъ,
И блещетъ любовь его ярче
Всѣхъ звѣздъ и всѣхъ перловъ морскихъ.

Прійди, моя милая крошка,
Къ великому сердцу прижмись:
И сердце, и море, и небо
Въ любви безграничной слились.

Къ голубому небосводу,
Гдѣ такъ ярко блещутъ звѣзды,
Страстно губы я прижалъ-бы,
Бурно, бѣшено рыдая.

Эти звѣзды—глазки милой;
Въ миллионѣхъ переливовъ
Нѣжно шлютъ онѣ привѣты
Съ голубаго небосвода.

Къ голубому небосводу
И къ глазамъ моей прекрасной
Кротко руки я подьему
И прошу и умоляю:

Прелесть-глазки! свѣтъ спасенья!
Осчастливьте вы мнѣ душу:
Пусть умру—и буду съ вами,
Вмѣстѣ съ вами въ нашемъ небѣ.

* * *

Изъ небесныхъ глазъ во мракѣ
Брызжутъ трепетныя искры—
И душа, горя любовью,
Рвется въ даль неудержимо.

Глазки неба! ваши слезы
Прямо въ душу мнѣ излейте...
Пусть зальютъ пожаръ душевный
Ваши слезы золотыя.

* * *

Убаюканный волнами
И мечтательною думой,
Я лежу въ своей каютѣ
Въ уголку на темной койкѣ.

Въ люкъ открытый ясно вижу
Звѣзды яркія на небѣ;
Это—глазки дорогіе
Дорогой моей подруги.

Эти глазки дорогіе,
Ночью сонъ мой охраняя,
И сверкаютъ, и мерцаютъ
Съ голубаго небосвода.

Съ голубаго небосвода
Страстныхъ взоровъ не свожу я—

До тѣхъ поръ, пока туманомъ
Не закутаются глазки.

* * *

У стѣны, гдѣ, предавшись мечтательнымъ
думамъ,
Я прилежъ распаленной своей головой,
Пробѣгаетъ съ таинственнымъ ревомъ и шумомъ

Волна за волной,—

И бормочетъ: „Безумецъ! своими руками
„Не достанешь тѣхъ звѣздъ, что стоятъ въ
вышинѣ:
„Крѣпко-на-крѣпко тамъ золотыми гвоздями
„Прибиты онѣ.

„Не томись-же напрасно безумной тоскою
„И оставь свои грезы съ любовью своей;
„Ты-бы лучше уснулъ, убаюканъ волною,—
И было-бъ умнѣй“...

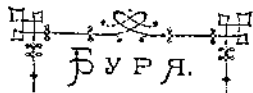
* * *

Мнѣ снился край безлюдный и далекій,
Огутанный покровомъ снѣговымъ;
Въ тотъ снѣгъ зарытъ, лежалъ я одинокій,
Уснувши сномъ холоднымъ, гробовымъ.

Миллионы звѣздъ, сіяя надъ могилой,
Глядѣли внизъ съ угрюмой вышины;
Ихъ взоръ горѣлъ побѣдоносной силой
И полонъ былъ любви и тишины.

8.

вѣршпствуеъ буря
 И волны бичуетъ—
 И гнѣвныя волны, неистово пѣнясь,
 Вдымаются грозно и по морю ходять,
 Какъ бѣлая, влажныя горы.
 Нашъ бѣдный корабликъ съ громаднѣмъ
 усильемъ
 На нихъ торопливо вскарабкаться хочетъ,
 Но вдругъ оборвется—и вновь исчезаетъ
 Въ видящей черной пучинѣ.

О, море!
 О, мать красоты, происшедшей изъ вѣны!
 Праматерь любви! я молю о пощадѣ...
 Уже бѣлая чайка, почуявъ добычу,

Надъ нами несется, какъ призракъ полночный,
 И точитъ о мачту свой клювъ.
 Алчетъ прожора попробовать сердца,
 Которымъ я дочь твою славилъ,
 Которымъ такъ часто играетъ
 Твой вдувъ плутоватый.

Наирасны моленья и просьбы!
 Неслышенъ мой голосъ въ рокочущей бурѣ
 И въ шумѣ бунтующихъ вѣтровъ.
 Кругомъ все реветъ и визжитъ и свиститъ,
 Какъ въ домѣ помѣшанныхъ звуковъ.
 Не слышу межъ ними я внятно
 Аккорды призывныя арфы
 И страстную, скорбную пѣсню.
 Душа отъ ней таетъ и рвется на части,—
 Я слышу знакомые звуки.

Далеко, на темномъ шотландскомъ утесѣ,
 Гдѣ маленькій замокъ
 Повисъ надъ kloкочущимъ моремъ,
 Стоитъ у оконка со сводомъ высокимъ
 Большая, прекрасная дѣва.

Пѣзна, какъ цвѣтокъ, и блѣдна, словно
мраморъ,

Играетъ на арфѣ она и поетъ,
А вѣтеръ взвѣваетъ ей длинныя кудри
И мрачную пѣсню разноситъ далеко
По бурному, мрачному морю.

ТИШЬ НА МОРѢ.

Море спитъ. Лучами ярко
Соляце блещетъ надъ волнами,
И корабль чертитъ на влагѣ
Изумрудныя морщины.

На кормѣ, ничкомъ на брюхѣ,
Рулевой хралитъ спокойно,
А у мачты, сильно съѣжась,
Грязный юнга чинитъ парусъ.

Съ грязныхъ щекъ руминецъ пышетъ,
Губы судорожно сжаты,
А глаза его большіе
Смотрятъ мрачно и плачевно.

Передъ нимъ, багровъ отъ гнѣва,
Капитанъ стоитъ, бѣснуясь:
„Негодяй! подлець! каналья!
Ты опять украсть селедку!“

Море спитъ. Изъ волнъ зеленыхъ
Рыбка-умница всплываетъ,
Грѣетъ голову на солнцѣ
И хвостомъ игриво плещетъ.

Вдругъ стрѣлой съ лазурной выси
Чайка ринулась на рыбку—
И съ добычей въ остромъ клювѣ
Мчится въ небо голубое.

МОРСКОЙ ПРИЗРАКЪ.

... я лежалъ у борта корабля
И устремлялъ мечтательные взгляды
Во глубь воды, прозрачной, какъ кристаллъ.
Все глубже, глубже взоромъ проникалъ я,—
И въ глубинахъ, на самомъ днѣ морскомъ,
Сперва какъ будто въ сумракѣ туманномъ,
Потомъ ясныи, ясныи и цвѣтистыи,
Мнѣ купола и башни показались,
И наконецъ, облитый яркимъ солнцемъ,
Открылся древній нидерландскій городъ,
Толпой народной сильно оживленный.
Вонъ, вонъ идутъ степенные мужчины,
Все въ длинныхъ мантияхъ и съ фризами
на шеяхъ,
Въ цѣпяхъ почетныхъ, съ длинными мечами;

Ихъ лица длинны, важны и серьезны;
Идутъ они по площади кипящей
Къ высокому крыльцу ратуши городской,
Гдѣ каменные царственные лики
Стоять, какъ на часахъ, со скиптромъ и
мечомъ.

Недалекъ, предъ длиннымъ рядомъ зданій,
Гдѣ стекла длинныя блестятъ, какъ зеркала,
Гдѣ стройно разрослись подстриженные липы, —
Шуми подоломъ шолковыхъ нарядовъ,
Гуляютъ молодья, стройныя дѣвицы.
Ихъ личики, цвѣтуція, какъ розы,
Покрываютъ скромно шапочною черной,
А кудри золотыя вьются по щекамъ.
И франты пестрые въ испанскомъ одѣяннѣ
Проходятъ мимо нихъ, кивая головой.
Вотъ вижу, какъ идутъ почтенныя старушки
Въ изношенныхъ коричневыхъ нарядахъ,
Со святцами и четками въ рукахъ;
Шажками мелкими идутъ они къ собору,
Куда зовутъ ихъ звонъ колоколовъ
И звуки стройныя церковнаго органа.

Во мнѣ самомъ отъ дальнихъ этихъ звуковъ
Глубокимъ трепетомъ охвачена душа.
Тоска безмѣрная со скорбью безконечной
Теперь мнѣ вновь охватываютъ сердце,
Чуть-чуть зажившее отъ горести былой.
Сдается мнѣ, что губки дорогія
Мнѣ раны сердца вскрыли поцѣлуемъ, —
И кровь горячая течетъ изъ нихъ опять;
И капли красныя моею горячей крови
Катятся медленной и тихою струею
На старый домъ, высокій и улылый,
Стоящій сиротой средь города морскаго;
Тамъ дѣвушка, грустна и одинока,
Сидитъ задумчиво у нижняго окошка,
Склонившись на руки прелестной головою,
Какъ бѣдное, забытое дитя.
Я узнаю тебя, отлично узнаю я,
О, бѣдное, забытое дитя!

Такъ вотъ въ какую глубь, какъ страшно
глубоко
Изъ дѣтской прихоти ты ссылаась отъ меня!

И не могла никакъ назадъ ты воротиться,
И сотни лѣтъ печально на чужбинѣ
Среди чужихъ чужою прожила...
А я межъ тѣмъ со скорбною душою
По всей землѣ розыскивала тебя;
Вездѣ, вездѣ искалъ я, дорогая,
Давно любимая, пропавшая надолго
И наконецъ вновь найденная мной!...
Да, я тебя нашелъ—и вновь теперь смотрю я
На милыя черты, на свѣтлую улыбку,
На умные и кроткіе глаза.
Теперь съ тобой во-вѣки не разстанусь,
Сейчасъ, сейчасъ сойду къ тебѣ на дно—
И, широко раскрывъ свои объятія,
Тебѣ на грудь и страстно припаду!...

Но, къ счастью, во-время могучею рукою
Нашъ капитанъ схватилъ меня за ногу,—
И, оттащивъ отъ гибельнаго борта,
Онъ закричалъ съ злодѣйскою улыбкой:
„Да что вы, докторъ, спятили съ ума?“

ОЧИЩЕНІЕ.

Останься въ морекой глубинѣ ты,
Безумная греза моя!
Ты прежде обманчивымъ счастьемъ
Терзала мнѣ сердце лишь ночью,
А нынѣ, подъ видомъ морскаго видѣнья,
Терзаешь средь бѣлаго дня!
Останься-же въ безднѣ навѣки,—
И скину къ тебѣ въ глубину я
Всю скорбь мою, все прегрѣшенья
И шангу безумья, звенѣющую долго
Надъ бѣдной моей головой.
Я скину туда и покровъ свой холодный,
Змѣиную кожу притворства,
Давившую долго мнѣ душу,
Недужную душу,

Отвергну Бога, отвергну небо,
Насчастную душу...

Гой-го! поднимается вѣтеръ!
Опять паруса закачались и вздулись!
Опять по погибельно-тихой равнинѣ
Летить наше судно стрѣлою—
И, чуя свободу, ликуеть душа.

ЦИКЛЬ 2-й.

1.

Привѣтъ морю.

Талатта! Талатта!

Здравствуй, о, вѣчное море!

Тысячу жаркихъ привѣтовъ
Шлетъ тебѣ сердце въ великомъ восторгѣ...
Такъ тебя древле привѣтомъ встрѣчали
Тысячи греческихъ чудныхъ сердець,
Въ битвѣ несчастныхъ, въ отчизну сшибив-
шихъ,
Славой покрытыхъ сердець.

Бурно вздымались волны,
Бурно волнуясь и пѣнясь;
Солнце ихъ пышно съ небесъ обливало
Алымъ потокомъ игривыхъ лучей;

Жалкія стаи испуганныхъ чаекъ
Прочь улетали съ пронзительнымъ крикомъ;
Били копытами гордые кони;
Звонко гремѣли щиты и доспѣхи—
И далеко разносились побѣдные клики:
Талатта! Талатта!

Здравствуй, о, вѣчное море!
Рѣчью родимой звучать твои воды...
Грезами дѣтства блеститъ предо мною
Область широкая зыбкихъ валовъ:
Снова я вижу картины и виды бывше
Въ чудныхъ прелестныхъ игрушкахъ,
Въ пышныхъ подаркахъ, въ рождествен-
скихъ блестяхъ,
Въ красно-коралловыхъ роцахъ,
Въ рыбкахъ серебрянныхъ, въ жемчугѣ див-
номъ,
Скрытыхъ въ твоёмъ недоступно-глубокомъ,
Свѣтломъ хрустальномъ дворцѣ.

О, какъ томился я въ дальней чужбинѣ!

Словно поблекпій цвѣтокъ у ботаника въ
стклянкѣ,

Сердце лежало въ недужной груди.
Кажется, будто-бы тяжкой болѣзнью страдая,
Въ мрачномъ больничномъ покоѣ я цѣлую
зиму провель;

Нышѣ-жъ внезапно я вышелъ на воздухъ—
И мнѣ ослѣпительно блещетъ на встрѣчу
Зелень весны изумрудной, солнышкомъ къ
жизни воззванной...

Шумять горделиво деревья, залитыя цвѣтомъ,
И смотреть привѣтливо юные глазки
Юныхъ, душистыхъ цвѣтовъ.

Все дышетъ, жужжитъ, и шумитъ, и смѣется,
И птички поютъ, утоная въ лазури:
Талатта! Талатта!

О, ты, отступившее храброе сердце!
Какъ часто, какъ горестно часто
Тебя поражали
Холоднаго сѣвера злыя дигарки.
Большіе глаза ихъ, сверкая побѣдой,

Метали въ тебя свои жгучія стрѣлы,
Кривыми словами рѣчей своихъ колкихъ
Окъ мою грудь разрывали на части
И странно терзали письмомъ блиновиднымъ
Мой бѣдный вздохнувшій мозгъ.
Напрасно хотѣлъ я щитомъ заслопиться!
Свистали стрѣла за стрѣлою, ударъ за уда-
ромъ,

И съвера злыя дикарки
Мени отгѣспили до самого моря...
И вотъ я, свободно вдохнувши, пришѣт-
ствую море,

Спасительно-милое море:
Талатта! Талатта!

Ляжко гроза надъ нучиною нависла—
И молнія брызжетъ зубчатымъ изви-
вомъ

Сквозь черную стѣну насупленныхъ тучъ,
Мгновенно взвиваясь и вмигъ потухая,
Какъ свѣтлая мысль въ головѣ Кропіона.
По бурной равнинѣ пустынного моря
Далеко гремятъ громовые раскаты
И прыгаютъ бѣлые кони-валы,
Привжитые старымъ Бореемъ
Отъ чудныхъ кобылъ Эрихтона.
А птицы морскія нугливо порхаютъ,
Какъ тѣни у водъ полуночнаго Стикса,
Которыхъ Харонъ отгоняетъ
Отъ сумрачной лодки своей.

Бужуется пучина—и чайки кричатъ,
И вспомнилъ невольно я грезы былыя...
Забытые сны и поблекшіе виды,
Исполнены муки и тайпой отрады,
Всплываютъ опять предо мной...

На сѣверѣ дальнемъ есть женщина-диво...
Чудесная прелести царской полна;
На станъ ея стройный и гордый, какъ пальма,
Сбѣгаетъ шриво
Роскошными складками бѣлая ткань,
Прелестныя кудри, темны и блестящи,
Какъ полночь, богатая райскимъ блажен-
ствомъ,
Спадаютъ съ головки, вѣнчанной косою,
И сказочно-мило змѣятся и вьются
По бѣднымъ и нѣжнымъ щекамъ;
И дивно блестятъ на лицѣ ея нѣжномъ
Большіе глаза, величаво-могучи,
Какъ черныя солнца.

О, черныя солнца! какъ часто,

Какъ часто съ восторгомъ изъ васъ унивался
Я дикимъ огнемъ вдохновенья
И, пламенемъ бурнымъ объятый,
Стоять, трепетать и шатался, какъ няный...
Тогда голубиною кроткой улыбкой
Сейчасъ оживились надменные губки,—
И съ этихъ надменныхъ, пурпуровыхъ губокъ
Струился рѣчи, отраднѣе луннаго свѣта
И мягче дыханія розы,—
И въ сильномъ восторгѣ душа моя гордо
Къ лазури небесъ уносилась орломъ.

Умоляйте, волны и чайки!
Все, все разлетѣлось! Любовь и надежда!
Надежда и счастье! Лежу на землѣ я,
Поклуптый всѣми, ограбленный моремъ,
И кричу я лобъ свой горячій
Во влажный песокъ.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАКАТЪ.

Крепкое солнце
 Спокойно спустилося въ море,—
 И шумныя, быстрыя воды
 Окрасила темная ночь;
 Но зорька на небѣ еще догораетъ
 И сыплетъ по нимъ золотистыя искры...
 Стремительна бурная сила прилива,—
 И гонитъ онъ къ берегу бѣлые волны,
 А волны послѣдно и весело скачутъ,
 Какъ стадо пушистыхъ, курчавыхъ ягнятъ,
 Которыхъ къ закату съ веселою пѣснью
 Пастухъ по домамъ разгоняетъ...

„Какъ солнце прекрасно!“

По долгомъ молчаньи промолвила мнѣ другъ
 мой,

Со мною у моря гулявшей.

И стала, то шути, то со скорбною миной,
 Меня увѣрять онъ, что солнце—красотка,

Которую выдали замужъ насильно
 За стараго бога морей.

Весь день она радостно по-небу бродитъ

Въ роскошной пурпурной одеждѣ

И вся въ брилліантахъ сверкаетъ...

И всѣ ее любятъ, и всѣ ей дивятся—

Всѣ дѣти подмуннаго міра—

И всѣхъ въ нашемъ мірѣ подлунномъ

Живить она теплымъ, сияющимъ взглядомъ.

Но вечеромъ тихо, съ невольною грустью,

Она возвращается снова

Во влажный чертогъ свой, къ холоднымъ
 объятнымъ

Сѣдаго супруга.

Повѣрь мнѣ! прибавилъ затѣмъ мой при-
 тель--

И вдруг засмѣлся, вздохнулъ и опять за-
смѣлся—

У нихъ тамъ супружество самаго нѣжнаго
свойства:

Они или спятъ, или другъ съ другомъ бра-
няются...

Бранятся такъ сильно, что море высоко
вскипаетъ,

И слышать матросы въ шипѣнны пучины,
Какъ старый супругу честитъ своей бранью:

„Блудница! развратница цѣлой вселенной!

„Весь мѣръ ты ласкаешь лучами...

„По цѣлымъ-то днямъ для другихъ горяча ты,

„А ночью, являясь на ложе супруга,

„Всегда холодна и устала!“

Понятно, что, послѣ подобныхъ постельныхъ
упрековъ,

Въ слезахъ разливается гордое солнце

И горькую участь свою прокликаетъ—

И плачетъ такъ долго, что богъ престарѣлый

Кидается вонъ изъ несчастной постели

И быстро на верхъ выплываетъ

Вздохнуть посвободнѣй и съ духомъ со-
браться...

Прошедшею ночью я самъ его видѣлъ,
По грудь погруженнаго въ море...
Носилъ онъ фуфайку изъ желтой фланели,
И мрачно копкакъ бѣлоснѣжный
Нависъ надъ поблекшимъ лицомъ.

ЛѢСНЬ ОКЕАНИДЪ.

ЛѢТѢТЬ надъ моремъ вечерній туманъ...
 Одинъ со своей одинокой душою
 На голую прибрежью сидитъ человекъ
 И смотритъ холоднымъ, безжизненнымъ вз-
 ромъ
 На дальные своды угрюмаго неба
 И шумныя волны широкаго моря.
 Вдаль по волнамъ безпредѣльнаго моря
 Летятъ его вздохи, гонимые вѣтромъ,
 И грустно назадъ припадаютъ.
 Нашли они запертымъ сердце,
 Гдѣ якорь хотѣлось имъ бросить,
 И стонетъ онъ громко,
 Такъ громко, что бѣлыя чайки,

Покинувъ со страхомъ песчанья гнѣзда,
 Летаютъ надъ нимъ вереницей,—
 И онъ говоритъ имъ со смѣхомъ:

„О, черноногія птицы!
 На бѣлыхъ крылахъ надъ морями летая,
 Вы клювомъ кривымъ своимъ тинете воду
 морскую
 И жрете лишь ворвань да мясо тюлене...
 Горька ваша жизнь, какъ и самая пища!
 А я-то, счастливецъ, питаюсь лишь сладкимъ:
 Питаюсь я нѣжнымъ дыханіемъ розы,
 Возращенной сіянемъ луны, соловьиной не-
 вѣсты;
 Питаюсь и тѣмъ я, что слаще:
 Миндальнымъ печеньемъ съ прелестѣйшимъ
 кремомъ;
 Вкушаю и то я, что слаще всего:
 Чудесную сладость взаимной любви.

Она меня любить, она меня любить, моя
 дорогая!

Теперь она дома стоит на балконѣ,
Свѣозъ сумракъ вечерній глядитъ на дорогу—
И ждетъ, и тоскливо мнѣ рвется на встрѣ-
чу—ей-Богу.

Но ждетъ понапрасну—и тяжело вздыхаетъ,
Со вздохомъ тяжелымъ идетъ она въ садъ
И бродитъ тамъ долго при лунномъ сіяньи...
Она тамъ двѣтамъ говоритъ обо мнѣ:
Какъ я, ей милый, хороши
И быть ей мнѣлымъ достоинъ—ей-Богу.
Потомъ и въ постели, и въ сладостныхъ гре-
захъ

Порхаетъ предъ нею мой ликъ драгоценный—
И даже за завтракомъ утромъ
Она на блестящихъ своихъ бутербродахъ
Всегда замѣчаетъ веселый мой образъ
И вѣтъ ихъ со страстью—ей-Богу“...

Такъ хвасталъ и хвасталъ онъ долго,
А чайки надъ нимъ въ это время кружились,
И крикъ ихъ порой раздавался,
Какъ будто холодный, насмѣшливый хохотъ.

Надъ моремъ сгустились ночные туманы
И грустно изъ сизаго облака выглянулъ мѣ-
сяцъ,

Желтый, какъ вялые листья.
Высоко и бурно вздымаются волны морскія,
И въ темной пучинѣ шумящаго моря
Печально, какъ ропотъ осенняго вѣтра,
Послышалась пѣснь дочерей Океана,
Морскихъ милосердныхъ красавицъ;
Но громче другихъ раздастся илѣнительный
голосъ

Серебрянно-ногой супруги Целея...
Вздыхаютъ онѣ и поютъ:

„Безумецъ, безумецъ, хвастливый безумецъ,
Измученный скорбью!...
Убиты твои золотыя надежды,
Игривыя дѣти души...
Увы! твоё сердце, подобно Ниобѣ,
Теперь каменѣетъ отъ сильнаго горя,
А въ бѣдномъ мозгу твоёмъ ночь поселилась,
И блещутъ въ немъ молнии мыслей безумныхъ—

И началъ, безумецъ, ты хвастать отъ горя.

„Безумецъ, безумецъ, хвастливый безумецъ!
Ты также упрямя, какъ твой предокъ,
Великій Титанъ, что небесный огонь
Укралъ у боговъ и отдалъ человѣку.
Измученный коршуномъ, крѣпко къ скалѣ
пригвожденный,
Грозилъ онъ Олимпу, стоналъ и ругался;
Такъ громко кричалъ онъ, что мы его го-
лось
Услышали внятно въ глубокой пучинѣ
И тотчасъ пришли съ утѣшительной пѣснью.

„Безумецъ, безумецъ, хвастливый безумецъ!
Вѣдь ты еще немощнѣй предка,
И было-бъ умнѣй—покоряясь богамъ,
Сносить терпѣливо тяжелое горе,
Сносить терпѣливо такъ долго, такъ долго,
Пока и самъ Атласъ, утративъ терпѣнье,
Не скинетъ тяжелой вселенной съ плеча
Въ вѣчную ночь.“

— Такъ раздавалась пѣснь дочерей Океана,
Морскихъ милосердныхъ красавицъ.
Но пѣсенку дѣвѣ заглушали шумящія волны...
За темными тучами спрятался мѣсяцъ,
Зіяла надъ міромъ глубокая ночь—
И долго во мракѣ сидѣлъ я и плабалъ.

Боги Греции.

Мѣсяць прекрасный! въ твоёмъ величавомъ сѣннѣ
 Расплавленнымъ золотомъ море горитъ;
 Волшебнымъ слѣніемъ свѣта и мрака
 Берегъ широкій облитъ...
 И длинной грядой по безвѣздному небу
 Пропосятся бѣлыя тучи,
 Какъ вѣчныхъ боговъ колосальныя лики
 Изъ арко свѣтящихся мраморныхъ плитъ.

Нѣтъ, нѣтъ, невозможно! нѣтъ, это не
 тучи...
 То сами они, то великіе боги Эллады,
 Что нѣкогда радостно правили міромъ,
 А нынѣ въ изгнаннн, безъ признаковъ жизни,

Толпой привидѣній плывутъ молчаливо
 По темному небу полночной порой...

И въ странномъ смущеннн безмолвно гляжуя
 На этотъ воздушный большой пантеонъ,
 На тихое шествіе грустно-безмолвныхъ
 Гигантовъ-боговъ...

Вотъ самый онъ, Крононъ, небесный владыка!
 Вздвнютъ, какъ свѣтъ, его кудри—
 Олимпъ потрясавшн, славныя кудри;
 Опъ держитъ въ десницѣ погасшнй перуны;
 Лицо его дышетъ невзгодой и скорбью,
 Но старая гордость еще въ немъ видна.
 О, Зевсъ! это было чудесное время—
 Когда тебѣ вѣчно служили небесной услдой
 И дѣти, и нимфы, и жертвы людей...
 Но ахъ! вѣдь и боги не царствуютъ вѣчно,
 И новые старыхъ сгоннютъ,
 Какъ самъ ты изпалъ изъ небеснаго царства
 Сѣлаго отца и божественныхъ дѣдей-гигантовъ,
 Отцеубійца Зевсѣ!...

Узналъ и тебя я, надменная Гера!
Рсвпной тревогой себя не спасла ты.
Досталась другой золотая держава,
И нынѣ не ты ужь царица небесъ.
Больше глаза твои нынче недвижны,
Нѣтъ силы мпущшей въ длейныхъ рукахъ,
И мечь твоя злая на вѣки безвредна
Для Дѣвы Пречистой, зачавшей отъ Бога.
И чудомъ рожденнаго Сына.

Узналъ и тебя я, Паллада-Афина!
Ни щить твой, ни мудрость спасти не сбу-

мѣли
Боговъ олимпійскихъ отъ гибели злой.
Ущаль и тебя я, тебя, Афродита,
Тебя, что когда-то была золотою,
А нынѣ серебряной стала.
Тебя еще красить твой поясъ волшебный,
Но втайнѣ страшна мнѣ твоя красота;
И если-бъ ты тѣломъ теперь захотѣла
Меня осчастливить, какъ древнихъ героевъ,
Я-бъ умеръ отъ страха.

Богиней покойниковъ кажешься мнѣ ты,

Венера-Киприда!

Не съ прежней любовью глядишь въ твои очи
Безстрашный Арей.

И юноша Фебъ отуманенъ печалью...

Молчатъ его лира, та славная лира,

Что встарь подавала веселье звуки

За трапезой гордыхъ боговъ.

Гефестъ еще больше груститъ и тоскуетъ!

И какъ не грустить-то? Вѣдь онъ, хромоногий,

Не будетъ теперь уже Гебу смѣнять,

Не будетъ богамъ подавать расторопно

Ихъ сладостный нектаръ... Давно уже смолк-

нулъ

Немолкнувшій хохотъ боговъ.

Я васъ никогда не любилъ, позабытые боги,

Затѣмъ что мнѣ греки противны

И римляне мнѣ ненавистны;

Но все-же участие святое и скорбь состра-

данья

Сжимаютъ мнѣ сердце,

Когда я васъ вижу на небѣ лазурномъ,

О, спрые боги,
Ночные септалды, угрюмая тѣни,
Носимыя вѣтромъ, какъ дымки тумана!...
И если и вспомню, какъ пусты, трусливы и
жалки

Тѣ боги, что васъ побѣдили,
Противные боги, царящіе нынѣ,
Носящіе злобу подѣ маской смиренья,—
О, въ эти минуты, исполненный гнѣва,
Хотѣлъ-бы разрушить я новые храмы,
Идти за васъ въ бой, о, великіе боги,
За васъ и за ваши права вѣковья,
Принести на алтарь вашъ, опять возведенный,
Священныя жертвы, какъ въ пору былую,
И, тихо колѣни предѣ вами склоняя,
Къ вамъ руки воздѣть со смиренной моль-
бой...

О, старые боги!
Въ людскихъ нашихъ расприхъ всегда при-
нимали
Вы сторону тѣхъ, кто одержитъ побѣду;

Зато человекъ благороднѣе васъ,
И въ спорѣ боговъ я теперь становлюся
На сторону вашу, разбитые боги.

Я это сказалъ—и, замѣтно для глаза,
Покрылись румянцемъ туманные лики.
Они мнѣ въ глаза посмотрѣли безрадостнымъ
свѣтомъ

И быстро исчезли со свода небесъ.
За темными тучами спрятался мѣсяцъ,
Задвигалось шумно бурливое море
И въ небѣ ночномъ побѣдительнымъ свѣтомъ
Зажглись вѣковѣчныя звѣзды.

7.

Съ запада мчится волшебная птица,
 Свой путь направляя къ востоку, —
 Къ отчизнѣ восточныхъ роскошныхъ садовъ,
 Гдѣ пряныя травы полны аромата,
 Гдѣ пальмы шумятъ и прохладою вѣютъ
 ключи...
 Волшебная птица летитъ и поетъ:

„Она его любитъ! она его любитъ!
 И въ крошечномъ сердцѣ она его образъ
 леплетъ, —
 Леплетъ съ глубокой и тайной любовью,
 И даже не знаетъ объ этомъ сама...
 Но ночью во снѣ она видитъ его предъ собою
 И молить, и плачеть, и руки цѣлуетъ ему,

И имя его произносить,
 И вдругъ просыпается въ страшномъ испугѣ,
 И третъ въ изумленьи прелестныя глазки...
 Она его любитъ! она его любитъ!

Стоялъ я у мачты на декѣ высокомъ
 И слушалъ внимательно дивную пѣсню...
 Какъ темнозеленые кони съ серебрянной
 гривой,
 Неслись предо мной бѣлокудрыя волны;
 На всѣхъ парусахъ, лебединою стаей,
 Стремилися мимо суда гелголандцевъ,
 Отважныхъ номадовъ Нѣмецкаго моря;
 Въ верху надо мной, въ вѣгвѣчной лазури,
 Порхали румяныя тучки,
 А пламенно-цвѣтная роза небеснаго свода—
 Прекрасное, вѣчное солнце—
 Въ морскомъ отраженьи собой любовалось...
 И небо, и море, и самое сердце мое
 Отзывно звучали:
 Она его любитъ! она его любитъ!

МОРСКАЯ ВОЛЪЗНЬ.

Бьрыя тучи вечерняго неба
 Все ниже склоняются къ морю,
 А мрачныя волны встають имъ на встрѣчу;
 И, то поднимаясь, то вдругъ низвергаясь,
 Межъ пологомъ тучъ и волнами
 Стрѣлою летитъ нашъ корабль.

Страдая морскою болѣзнию,
 Я все еще молча сижу подлѣ мачты
 И дѣлаю самъ надъ собою наблюденья,
 Знакомыя древнимъ вѣкамъ наблюденья,
 Которыя батюшка-Лотъ еще дѣлалъ,
 Когда онъ виномъ наслаждался не въ мѣру
 И сталъ себя чувствовать дурно.

Порой вспоминаю я много старинныхъ раз-
 сказовъ,
 Какъ встарь пилигриммъ-крестоносець,
 Застигнутый бурей на морѣ,
 Лобзаль чудодѣйственный образъ Пречистой
 Съ горячею вѣрой—
 И въ этомъ встрѣчалъ утѣшенье;
 Какъ рыцарь, страдая такою-жъ болѣзнию,
 Прижалъ къ посинѣвшимъ устамъ
 Перчатку возлюбленной дамы—
 И мгомъ вполне исцѣлился...
 А я вотъ сижу и съ досадою жую
 Остатокъ отъ старой селедки,
 Соленой утѣхи
 Въ моей тошнотѣ и печали.

Межъ тѣмъ нашъ корабль
 Увлекся горячей борьбою
 Съ волнами взбѣшеннаго моря.
 Онъ, какъ конь боевой, что взвился на дыбы,
 То такъ упирается сильно
 Въ нихъ заднею частью,

Что руль начинаетъ трещать,
То сразу кидается внизъ головою
Въ раскрытую пасть
Стонущей бездны...
Но есть и минуты,
Когда онъ, точь-точь беззаботный, усталый
любовникъ,

Хотьль-бы спокойно улежся
На черной груди исполинскихъ валовъ...
А волны все воютъ съ могучею силой—
И вдругъ, словно дикій морской водопадъ,
Онъ низвергаются въ черную бездну
И, въ громкомъ паденьи,
Меня обдають своей пѣной.

Ахъ, эти качанья, толчки и паденья
Стали несносны!
Напрасно гляжу напряженнымъ я взо-
ромъ—
И берегъ нѣмецкій увидѣть хочу.
Увы! лишь вода предо мною,
Одна лишь вода.

Какъ въ зимнее время продрогнѣй подъ
вьюгой

Томится по чашкѣ горячаго чаю,
Такъ сильно томлюсь я теперь по тебѣ,
Германія, край мой родимый!
Пусть все еще милая почва твоя
Покрыта, какъ въ прежнее время,
Безумьемъ, гусарствомъ, плохими стихами
И хламомъ бозможныхъ трактатцевъ;
Пусть все еще кормишь своихъ ты ословъ
На мѣсто репейника—пищей изъ розъ;
Пусть всѣ обезьяны твои, благороднѣйшей
крови,

Кичатся блестящимъ нарядомъ
И думаютъ твердо, что лучше онѣ,
Чѣмъ всѣ остальные рогатые звѣри;
Пусть сеймъ твой, собранье несчастныхъ
улитокъ,
Себя потому почитаетъ безсмертнымъ,
Что такъ безконечно и тихо ползеть;
Пусть каждый онъ день голосуетъ вопросъ:
Признать-ли, что сыръ—достоянье червей,

Которые въ немъ завелись?

Пусть все еще днѣтъ онъ свои совѣщанья
О томъ, какъ въ ершпетскихъ овцахъ улуч-
шить породу,

Чтобъ сдѣлалась шерсть ихъ помягче
И могъ-бы пастухъ ихъ постричь, какъ и
всѣхъ остальныхъ,

Безъ всякихъ различій...

Да, пусть еще все и безправье, и глупость
Тебя покрываютъ, о, край мой родимый,—

Я все-таки страстно томлюсь по тебѣ...

И то вѣдь уже превосходно,

Что все-жъ ты — сухая земля...

ВЪ ПРИСТАНИ.

Частливъ прибывшій въ желанную
пристань,

Покинувшій море и грозныя бури
И нынѣ сидящій тепло и уютно
Въ городѣ Бременѣ, въ погребѣ винномъ.

Какъ мило и ясно, чудно и привѣтно
Весь мѣръ отражается въ рюмкѣ зеленой!
Какъ солнечно-знойно струя микрокосма
Вливается въ сердце, томимое жаждой!
Все, все въ этой рюмкѣ и вкусу:
Исторію древнихъ и новыхъ народовъ,
И турокъ, и грековъ, и Гегеля съ Гансомъ,
Лимонныя рощи, большіе парады,
Столицы и рѣки, Марокко и Гамбургъ,

Но главное—впью я личико милой
На свѣтлой струѣ золотого рейнвейна.

О, какъ ты мила, какъ мила, дорогая!
Ты розѣ подобна—
Не розѣ Шпрасской, Гафизомъ вослѣтой,
Давно соловью обрученной;
Не розѣ Шаронской, священно-пурпурной,
Проставленной словомъ пророковъ,
А розѣ прелестной, волшебни-приятной,
Храпящейся въ Бременѣ, въ погребѣ вишномъ.
О, это—милая роза изъ розъ:
Чѣмъ старше она, тѣмъ пыннѣе цвѣтетъ,—
И дивно-божественный запахъ той розы
Мени вдохновилъ, упоялъ, огуманилъ,
И еслибы сильной рукою
Меня не схватилъ за вихоръ потребницъ,
Мнѣ вѣрно пришлось-бы лежать подь сто-
ломъ.

Отличный онъ малый! мы вмѣстѣ сидѣли
И шли, какъ братья;

Мы съ нимъ говорили о тайныхъ и важныхъ
предметахъ,

Вздыхали и жали другъ друга въ объятяхъ,
И онъ обратилъ меня къ вѣрѣ любви...
Я нилъ за здоровье враговъ моихъ злобныхъ
И всѣмъ плоховатымъ поэтамъ простилъ я,
Какъ нѣкогда будетъ и мнѣ прощено.
Я нилъ въ умиленнн горячн слезы —
И вотъ, наконецъ, предо мною
Раскрылись ворота спасенья.
Гдѣ двѣнадцать апостоловъ жирныхъ—
Священныя толстыя бочки—
Стоять постоянно на стражѣ
Съ рѣчью безмолвной, но какъ-то понятной
Для многихъ народовъ...

Вотъ люди, такъ люди!
Снаружи—невзрачны и плохо одѣты,
Зато изнутри они краше и лучше
Надменныхъ левитовъ священнаго храма
И пышныхъ гвардейцевъ, гуляющихъ гордо
Въ шитѣхъ золотомъ и пурпуровой ткани.

—) ЭПИЛОГЪ. (—

Какъ лѣтомъ колосья на нивѣ,
Такъ точно растутъ и волнуются
мысли

Въ душѣ человѣка;
А нѣжныя мысли любви благодатной
Такъ ярко пестрѣютъ межъ ними,
Какъ между рядами зеленыхъ колосьевъ
Цвѣты голубые и алые.

Цвѣты голубые и алые!
Сердито васъ жнецъ вырываетъ, какъ сорныя
травы,
Васъ цѣпь деревянный презрительно давить,
И даже бездомный скиталецъ,
Который не рѣдко любитъся вами,

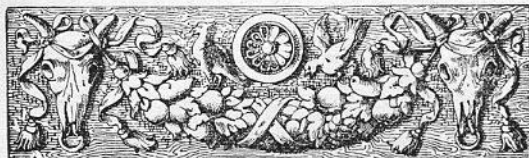
Подчасъ, головою качая,
Васъ милымъ зоветь пустоцвѣтомъ.
Зато молодая крестьянка,
Вѣнокъ завивая,
Васъ ласково съ поля срываетъ,
Чтобъ вами украсить прелестныя кудри свои,
И въ этомъ нарядѣ она къ хороводу слѣпшитъ,
Гдѣ сладко звучатъ ей и флейты, и скрипки,
Иль въ тихую рошу,
Гдѣ милаго голосъ звучитъ еще слаще,
Чѣмъ флейты и скрипки.

ИТЦЛИПУЦЛИ.

ПРЕЛЮДИЯ.

то вотъ Америка!
Это, это—Новый Свѣтъ,
Не теперешній, что вянеть
Въ подражаніе Европѣ.

Это—Новый Свѣтъ въ томъ видѣ,
Какъ извлекъ его изъ моря
Геній славнаго Колумба!
Влажной свѣжестью онъ блещеть...

Весь еще въ жемчужныхъ капляхъ,
Блещеть тысячами красокъ
Онъ подъ солнечнымъ лобзаньемъ.
Какъ здоровъ онъ, этотъ Свѣтъ!

Не погость онъ романтизма
И не груда онъ мусора;
Нѣтъ здѣсь плѣсени символовъ,
Париковъ окаменѣлыхъ.

На его здоровой почвѣ
Все здоровыя деревья:
Ни одно изъ нихъ не дрябло,
Ни въ единомъ нѣтъ сухотки.

На вѣтвяхъ—большія птицы...
Ярко перья ихъ свербаютъ,
И насулены сурово
Ихъ изогнутые клювы:

Какъ въ очкахъ, блестятъ глаза ихъ
Въ черныхъ, кругленькихъ оправкахъ;
То молчать онѣ, то разомъ
Начинаютъ тараторить.

Я ихъ словъ не понимаю,
Хоть всѣ птичьи языки я
Знаю лучше Соломона,
Мужа тысячи красавиць:

Соломонъ-же зналъ отлично
Много птичьихъ діалектовъ—
И не только современныхъ,
Но и вымершихъ нарѣчій.

Новый Свѣтъ—и все здѣсь ново:
И цвѣты, и ароматы;
Здѣшній запахъ сладострастно
Мнѣ щекочетъ обаянье.

Онъ мой носъ приятно нѣжить
И однимъ вопросомъ мучить:
Не могу никакъ припомнить,
Гдѣ я слышала этотъ запахъ?

Можетъ быть, на Риджень-Стритѣ
Въ страстныхъ, пламенныхъ объятьяхъ
Той яванки гибко-стройной,
Что цвѣты всегда жевала?

Иль, быть можетъ, въ Роттердамѣ,
Возлѣ статуи Эразма,
За таинственной завѣсой
Бѣлой вафельной лавчонки?

Но пока съ какимъ-то страхомъ
Новый Свѣтъ я созерцаю,
Самъ я вдвое большій ужасъ
Навожу на новосвѣтскихъ.

Увидавъ меня, со страхомъ
Въ кустъ юркнула обезьяна,
Затряслась и закричала:
„Привракъ, привракъ старосвѣтскій!“

О, не бойся, обезьяна!
Не мертвецъ я, не видѣнье;
Бурно жизнь во мнѣ клокочетъ,
Вѣрный сынъ я этой жизни.

Но давно, давно вожусь я
Съ мертвецами—и невольно
Переимъ я ихъ манеры,
Ихъ таинственную странность.

Годы юности прекрасной
Я провелъ въ горѣ Венеры,
Жилъ въ Кяфгейверѣ и въ прочихъ
Катакомбахъ романтизма.

Не пугайся, обезьяна!
Ты мнѣ нравишься... и вижу
У тебя на голомъ задѣ
Мной любимые три цвѣта:

Черный, красный, золотистый...
Видя задъ твой обезьяній,
Съ грустью тотчасъ вспоминаю
И про знамя Барбароссы.

1.

На чель носилъ онъ лавры,
На ногахъ носилъ онъ шпоры;
Все-же не былъ онъ героемъ,
Даже рыцаремъ онъ не былъ.

Былъ онъ въ шайкѣ атаманомъ...
Но въ великой книгѣ славы
Врѣзалъ дерзкою рукою
Имя дерзкое Кортеса.

Онъ подъ именемъ Колумба
Врѣзалъ такъ его глубоко,
Что мальчишка учитъ вмѣстѣ
Оба имени на память.

Рядомъ съ именемъ Колумба
Зубрить имя онъ Кортеса,
Какъ вторую знаменитость
Въ новосвѣтномъ пантеонѣ.

Тяжела судьба героевъ!
Вѣчно въ памяти потомства
Имена ихъ тѣсно слиты
Съ именами негодяевъ.

Ужъ не лучше-ль быть безвѣстнымъ,
Чѣмъ, прославившись на вѣки,
Вѣчно съ именемъ постыднымъ
Быть въ сообществѣ позорномъ?

Христоваль Колумбъ, конечно,
Былъ героемъ—и, какъ солнце,
Былъ душой онъ дивно свѣтель,
Да и щедръ онъ былъ, какъ солнце.

Много генин давали
Міру нашему; Колумбъ-же
Подарилъ насъ цѣлымъ міромъ,
Что Америкою названъ.

Онъ не могъ освободить насъ
Изъ глухой земной темницы,
Но сумѣлъ ее расширить
И длиннѣе сдѣлать цѣни.

И зато ему все люди
Будутъ вѣчно благодарны;
Ихъ измучило порядкомъ
Полушаріе востока.

Лишь одинъ изъ всехъ героевъ
Даль намъ нѣчто поважнѣе;
Это тотъ великій гений,
Что когда-то далъ намъ Бога.

Мать его—Юхеветой,
А отца Амрамомъ звали;
Самъ онъ звался Моисеемъ,—
Онъ любимѣйшій герой мой.

Но, пегасъ мой, слишкомъ долго
Ты стоишь передъ Колумбомъ;
Нынче нужно намъ съ тобою
Полетѣть еще къ Кортесу.

Расправляй цвѣтныя крылья
И помчимся, конь крылатый,
Въ Новый Свѣтъ, въ страну Колумба,
Въ край, что Мексикой зовется.

Понеси меня въ тотъ замокъ,
Гдѣ державный Монтесума
Для гостей своихъ, испанцевъ,
Помѣщеніе назначилъ:

Гдѣ не только кровь и нищу
Въ изобиліи несмѣтномъ,
Но и пышные подарки
Даль онъ сволочи испанской.

Много рѣдкостей прелестныхъ,
Перлы, золото, алмазы,—
Все доказывало щедрость
Благодушнаго владыки.

Онъ, дикарь непросвѣщенный,
Въ тѣмѣ блуждающій язычникъ,
Твердо вѣрилъ въ честь и вѣрность,
Въ святость правъ гостепріимства.

И радушно согласился
Онъ придти на вечеринку,
Что въ дворцѣ своемъ испанцы
Затѣвали въ честь монарха.

Благосклоненъ и довѣрчивъ,
Прибыль царь съ придворной свитой
На испанскую квартиру...
Тамъ онъ трубами былъ встрѣченъ.

Какъ разыгранная пьеса
Называлась—я не знаю;
Можетъ: „вѣрностью испанской“...
Но Кортесъ ее придумалъ.

Подать знакъ онъ—и внезапно
На царя напали гости,—
И, закованный, въ ихъ замкѣ
Онъ заложникомъ остался.

Но со смертью Монтезумы
Мигомъ рухнула плотина,
Что отъ ярости народной
Пришлецовъ обороняла.

Буря страшно загремѣла;
Какъ клокочущее море,
Съ дикимъ воемъ подступали
Волны гнѣвнаго народа.

Храбро гости отражали
Каждый штурмъ; но ежедневно
Замокъ снова былъ штурмованъ,—
И борьба ихъ утомила.

Послѣ смерти Монтезумы
Истоцились и припасы;
Раціоны стали меньше—
И длиннѣе стали лица...

И испанцы, отощавши,
Мрачно смотреть другъ на друга
И со вздохомъ вспоминають
Христіанскую отчизну,

Гдѣ съ высокихъ колоколенъ
Льется звонъ благочестивый
И гдѣ слышится шипѣнье
Вкусной ollea potrida;

Вспоминаютъ, какъ въ отчизнѣ
Мирно жарятся сосиски,
Паромъ сладостно-чесочнымъ
Носъ лукаво соблазня...

Вождь созвалъ совѣтъ военный—
И рѣшили отступленье:
Такъ, чтобъ съ раннею зарею
Войско изъ-города вышло.

Въ городъ умный полководецъ
Ввелъ войска свои свободно,
Но уходу ихъ грозили
Затрудненья роковыя.

Городъ Мексика построенъ
Весь на островѣ озерномъ;
Волны шумно окружаютъ
Эту крѣпость водяную.

Сообщенье съ берегами—
На плотахъ, челнахъ и гатяхъ,
Да по мосту, что построенъ
На колоннахъ исполинскихъ.

Раньше солнышка поднявшись,
Въ путь свой двинулись испанцы:
Барабаны не гремѣли,
Зѣрю трубы не трубили.

Не хотѣлось имъ встревожить
Сладкій сонъ своихъ хозяевъ...
(А индѣйцевъ-то сто тысячъ
Было въ Мексикѣ въ то время).

Но испанцы, въ путь собираясь,
Позабыли расплатиться.—
И въ тотъ день гораздо раньше
Поднялися Мексиканцы.

На мосту, плотахъ и гатяхъ
Собрались они и ждали,
Чтобъ гостямъ своимъ испанскимъ
Приподнести прощальный кубокъ.

На мосту, плотахъ и гатяхъ
Разгорѣлася попойка—
И багровою рѣкою
Кровь пирующихъ струилась.

Вотъ пошли у нихъ объятья,
И оттискивались ясно
Арабски лать испанскихъ
На индѣйскихъ голыхъ персяхъ.

Эта давка, эта свалка,
Эта гибельная бойня
Страшно, медленно клубилась
На мосту, плотахъ и гатяхъ.

Пѣли, выли мексиканцы,
А испанцы бились молча,
Шагъ за шагомъ свѣжей кровью
Покупая отступленье.

Въ этой давкѣ европейцамъ
Не давали перевѣса
Ихъ военное искусство,
Ружья, лошади и латы.

И къ тому-жъ еще испанцы
Много золота набрали,
И бѣжать имъ было трудно
Съ этой ношею грѣховной.

И несчастнымъ приходилось
Изъ-за адскаго металла
Безвозвратно полатиться
И душой своей, и тѣломъ.

Въ это время челноками
Быстро озеро покрылось,
И стрѣлки изъ нихъ стрѣляли
На мосты, плоты и гати.

Въ суматохѣ, безъ сомнѣнья,
И въ своихъ они стрѣляли,
Но не мало уложили
И почетнѣйшихъ гидальго.

На мосту свалился Гастонъ,
Въ этотъ день державшій знамя,
На которомъ развѣвался
Образъ Дѣвы Непорочной.

Даже въ Образъ подавали
Стрѣлы меткія индѣйцевъ;
Шесть блестящихъ стрѣлъ пронзили
Прямо сердце у Мадонны,

Какъ мечи тѣ золотые,
Что у mater dolorosa
Грудь скорбящую пронзаютъ
Въ нашу пятницу страстную.

Умирая, юнкеръ Гастонъ
Знамя передалъ Гонзальву,
Но и онъ, сраженный смертью,
Вскорѣ на земь повалился.

Самъ Кортесъ тогда хватаетъ
Это знамя дорогое
И несетъ его высоко
До конца ужасной битвы.

Въ этотъ день легло испанцевъ
Счетомъ слишкомъ полтораста;
Слишкомъ семьдесятъ индѣйцамъ
Въ плѣнъ попались живыми;

Много раненыхъ смертельно
Скоро съ жизнью распрощались;
Лошадей двѣнадцать было
Взято въ плѣнъ, или убито.

Только къ вечеру испанцы,
Наконецъ, на берегъ вышли,
Гдѣ склонялся надъ водою
Рядъ убогихъ кипарисовъ.

Нинуль день кровавой битвы—
И настала ночь триумфа;
Сотни тысячъ яркихъ площаекъ
Въ шумной Мексикѣ зажеглись.

Сотни тысячъ яркихъ площаекъ
Со смолистыми кострами
Яркимъ пламенемъ облили
Всѣ дворцы и Божьи храмы—

И роскошно освѣтили
Храмъ кирпичный Фитцлинуцли,
Этотъ храмъ необычайный,
Удивительно похожій

На гигантскія строенья
Вавилона и Египта,
Какъ рисуетъ ихъ въ картинкахъ
Англичанинъ Генри Мартенъ.

Тѣ-же лѣстницы большія
И широкія ступени,
По которымъ шумно ходитъ
Много тысячъ мексиканцевъ.

Вотъ теперь на нихъ пируютъ
Группы воиновъ свирѣлыхъ,
Опьянѣвшихъ отъ побѣды
И кокосоваго сока.

Эти лѣстницы зигзагомъ
Поднимаются къ платформѣ—
Къ необъятной кровлѣ храма,
Обруженной балюстрадай.

Тамъ на жертвенномъ престолѣ
Возсѣдаетъ Фитцлинуцли,
Кровожадный богъ сражений,
Идолъ злой и безобразный.

Но онъ такъ разряженъ пышно,
Такъ лицо его забавно,
Что при всемъ своемъ величьи
Вызываетъ онъ улыбку.

Если пристально всмотрѣтся,
Замѣчается въ немъ сходство
Съ „блѣдной базельскою смертью“
И съ „мочащимся мальчишкой“.

Справа пдола—міряне,
Слѣва—жреческая группа;
Духовенство щеголяетъ
Въ яркихъ перьяхъ облаченья.

А на мраморныхъ ступеняхъ
Старичокъ сидитъ столѣтній,
Безбородый, безволосый,
Въ ярко-пурпурномъ камзолѣ.

Это жрецъ у нихъ верховный
Онъ свой ножъ усердно точитъ
И съ лукавою улыбкой
Смотритъ искоса на бога.

И, должно быть, Фитцлипуцли
Понялъ взоръ его лукавый:
Поднялись его рѣсницы
И уста зашевелились.

Тутъ-же сбоку прикорнули
Храмовые музыканты,
И гремятъ, не умолкая,
Трубы, рогъ и барабаны.

Все трубятъ и барабанятъ
И, зашѣвъ согласнымъ хоромъ
Мексиканское „Te Deum“,
Такъ мяукають, какъ кошки.

Да, мяукають, какъ кошки,
Только той породы крупной,
Что ѣдятъ людей, не мышекъ,
И названье носятъ тигровъ.

И лишь только эти звуки
Вѣтромъ къ берегу домчатся,
У стоящихъ тамъ испанцевъ
Заскребуть на сердцѣ кошки.

Подъ вѣтвями кипарисовъ
Тамъ стоять они и смотреть,
Смотрятъ пристально и грустно
На большой и свѣтлый городъ,

Окунувшійся во влагу
Яркимъ пламенемъ триумфа,
Смотрятъ словно изъ партера
Исполнскаго театра.

Кровля храма Фитцлипуцли
Вся сіяетъ, точно сцена;
Тамъ играютъ нынче драму:
„Человѣческая жертва“.

Содержанье очень древне
И знакомо всѣмъ народамъ;
Но въ отдѣлѣ христіанской
Меньше ужасовъ кровавыхъ.

У народовъ христіанскихъ
Кровь въ вино преобразилась;
Человѣческое-жъ тѣло
Замѣнилось просфорою.

Но у дикихъ мексиканцевъ
Дѣло дѣлалось серьезно,
И въ ходу тамъ было мясо
Съ человѣческою кровью.

Въ этотъ разъ польется много
Христіанской чистой крови,
Не мѣшавшейся ни разу
Съ кровью мавровъ и евреевъ.

Возликуй-же, Фитцлипуцли!
Много есть испанской крови;
Теплымъ паромъ ты сегодня
Мѣдный носикъ свой потѣшишь.

Цѣлыхъ семьдесятъ испанцевъ
Нынче въ честь твою заколятъ,—
И для слугъ твоихъ духовныхъ
Будетъ ужинъ превосходный.

Вѣдь жрецы—простые люди:
Человѣкъ-же, какъ извѣстно,
Не умѣетъ жить, какъ боги,
Только запахомъ и паромъ.

Чу! гремятъ литавры смерти,
Въ рогъ зловѣщій затрубили:
Это признакъ приближенья
Обреченныхъ на гибель.

Вотъ позорно-обнаженныхъ,
Бѣдныхъ семьдесятъ испанцевъ,
Закрутивъ имъ крѣпко руки,
Вверхъ по лѣстницамъ волочатъ.

Передъ ликомъ Фитцлипуцци
Всѣхъ ихъ ставятъ на колѣни
И къ смѣшнымъ, потѣшнымъ пляскамъ
Принуждаютъ истязаньемъ.

Эта пытка такъ ужасна,
Что несчастные страдальцы
Дикимъ воплемъ заглушаютъ
Вой и крики каннибаловъ.

Горько публикѣ прибрежной,
Горько молодцамъ Кортеса;
Въ вопляхъ вмигъ они узнали
Голоса своихъ собратьевъ.

И на сценѣ освѣщенной
Все отчетливо имъ видно:
И фигуры, и движенья,
И ножи, и рѣки крови.

И испанцы сняли шлемы
И, колѣни преклонивши,
Помолились за усопшихъ
И зашѣли: „De profundis!“ ...

Между тѣми, что погибли,
Былъ и Раймондъ-де-Мендоза,
Сынъ прекрасной аббатиссы—
Молодой любви Кортеса.

У него висѣлъ на шеѣ
Медальонъ съ ея портретомъ—
И Кортесъ его увидѣлъ
И нествова заплакалъ.

Но глаза свои онъ вытеръ
Жесткой кожаной перчаткой—
И, вздохнувъ, съ другими вмѣстѣ
Началъ пѣть онъ: „Miserere!“

Тюблѣдѣли въ небѣ звѣзды
И туманъ высоко взвился,
Словно призракъ, волочащій
Бѣлый саванъ за собою.

Конченъ пиръ. Огни потушли.
На широкой кровлѣ храма,
На полу, облитомъ кровью,
Спать жрецы и прихожане.

Но не спитъ Камзолчичъ красный...
При огнѣ послѣдней плочки
Съ хитрой, злобною улыбкой
Говоритъ онъ истужану.

„Фитцлипуцли, Пуцлифитцли!
Мой божочекъ Фитцлипуцли!
Позабавился ты нынче
И нанюхался довольно.

„Нынче очень аметитно
Кровь испанская дымилась—
И твой лакомка-носилка
Весь зардѣлся отъ восторга.

„Завтра мы тебѣ зарѣжемъ
Много чудищъ быстроногихъ;
Вѣтры буйные прижили
Ихъ съ коровами морскими.

„Будь уменъ—и для тебя я
Заколю обоихъ внуковъ,
Двухъ красавцевъ съ сладкой кровью,
Старыхъ дней моихъ отраду.

„Только будь благоразуменъ
И побѣдъ намъ дай побольше;
Дай побѣдъ намъ, мой божочекъ,
Пуцлифитцли, Фитцлипуцли!

„Погуби враговъ ты нашихъ,
Къ намъ приплывшихъ издалека,
Изъ лежащаго за моремъ,
Намъ невѣдомаго царства.

„И зачѣмъ они явились?
Грѣхъ пригналъ ихъ, или голодъ?
Тотъ лишь честень, кто на пищу
Зарабатываетъ дома.

„Что имъ нужно? Только прятуть
Наше золото въ карманы
И за это общаются
Намъ небесное блаженство.

„Мы ихъ прежде принимали
За существъ иного рода:
За дѣтей безсмертныхъ солнца,
Потрасающихъ громами.

„Но они—простые люди,
Также смертны, какъ и все мы;
Нынче смертность ихъ прекрасно
Я вожомъ своимъ извѣдалъ.

„Да, пришельцы эти—люди,
И не лучше нашей братья,
А иные даже гаже
Волосатой обезьяны.

„Говорить, у очень многихъ
Хвостъ запрятанъ подъ штанами:
Вѣдь, не будь они мартышки,
Такъ штановъ-бы не носили.

„Какъ порочны эти люди!
Ничего имъ нѣтъ святаго...
Говорить, они съѣдаютъ
Даже собственного бога.

„Истреби-же нечестивцевъ,
Злое племя богоѣдовъ!
Фитцлицуцли! Пуцлицуцли!
Дай побѣдъ вамъ, Фитцлицуцли!“

Кончилъ жрецъ... И голосъ бога,
Хриплый, мрачный и суровый,
Зазвучалъ, какъ поздней ночью
Шошотъ вѣтра съ тростниками:

„Слушай, красный мой Камзолчпезь!
Много тысячъ ты зарѣзалъ:
Такъ вонзи свой ножъ кровавый
Нынче въ собственное тѣло.

„Пусть душа твоя изъ тѣла
Тотчасъ выскочить наружу
И поскачетъ по камнямъ
На лягушечье болото.

„Съ теткой встрѣишься моею,
И она тебѣ промолвить:
„Здравствуй, голая душонка!
Какъ племянникъ поживаетъ?

„Фитцдинутствуетъ-ли мирно
Въ золотомъ сѣннѣ солнца?
Все-ль, какъ мухъ, съ него фортуна
Гонитъ тяжкія заботы?

„Или злая Кацлагара,
Вѣдь противная богиня,
И его уже щипнула
Идовитыми когтями?“

„Ты отвѣтишь ей на это:
Опѣ прислалъ тебѣ поклонъ свой
И желаетъ всей душою,
Чтобъ ты лопнула, каналья.

„Ты погибельнымъ совѣтомъ
Довела его до бездны...
Скоро сбудется надъ нами
Древне-злое предсказанье.

„Скоро Мексика погибнетъ
Отъ чудовищъ бородатыхъ,
Что на итицахъ деревянныхъ
Появились къ намъ съ востока.

„Существуетъ поговорка:
Бабыя воля—воля Бога;
Но сугуба Божья воля,
Если баба—Божья мать.

„Оттого-то мнѣ досадно,
Что Небесная Царица,
Пресвятая чародѣйка,
Охраняетъ это племя.

„Бережетъ она испанцевъ,
И грозитъ теперь погибель
Мнѣ, несчастнѣйшему богу,
Вмѣстѣ съ Мексикой несчастной.

„Лишь исполнишь порученье,
Живо въ норку ты заройся
И усни тамъ сномъ глубокимъ,
Чтобы бѣдъ моихъ не видѣть.

„Храмъ падеть со мною вмѣстѣ—
И въ обломкахъ схоронюсь я;
Въ страшномъ пламени исчезну—
И нигдѣ меня не сыщутъ.

„Но не думай, что умру я...
Богъ живучѣй попугаевъ;
Какъ они, мы лишь линяемъ,
Измѣняя наши перья.

„Въ край враговъ своихъ уйду я,
Въ царство дальнее Европы:
Тамъ, заживъ иною жизнью,
Вновь начну свою карьеру.

„Я тамъ сдѣлаюся бѣсомъ,
Страшнымъ выходцемъ изъ ада,
И начну, какъ врагъ жестокій,
Обращаться я съ врагами.

„Стану мучить ихъ нещадно,
Вѣчно призракомъ пугая,
И терзать ихъ обонянье
Сѣрнымъ запахомъ геенны.

„Мудрецовъ ихъ, дураковъ ихъ—
Всѣхъ ихъ мигомъ соблазну я;
У меня ихъ добродѣтель
Обратится въ проститутку.

„Да, я сдѣлаюся бѣсомъ!
И привѣтъ свой посылаю
Сатанѣ и Веліалу,
Вельзевулу и Астартѣ.

„И тебѣ привѣтъ мой, Лились,
Мать убійственныхъ пороковъ;
Ты искусствамъ драгоценнымъ,
Лжи и злу меня научишь.

„О, страна моя родная!
Я спасти ее не въ силахъ;
Но жестоко отомщу я
За страну мою родную“.

ОМАНСЫ И БАЛЛАДЫ.

ГОРНЫЙ ГОЛОСЬ.

Исконой по долинь плетется ѣздокъ,
Томимый невольной тоской...
„Несушь-ли къ объятіямъ милой моей,
Иль ѣду къ могилѣ сырой?“
И голосъ отвѣтить вдали за горой:
„Къ могилѣ сырой!“

Въ тяжеломъ раздумьи онъ ѣдетъ впередъ
И грустно понырь головой...
„Какъ рано я долженъ въ могилу сойти!
Да есть-ли въ могилѣ покой?“
И голосъ отвѣтить вдали за горой:
„Въ могилѣ покой!“

И путникъ тоскуеть... по блѣднымъ щекамъ
Катится слеза за слезой...
„Ахъ, если въ могилѣ покой меня ждетъ,
То счастье въ могилѣ одной!“
И голосъ раздаея вдали за горой:
„Въ могилѣ одной!“

БѢДНЫЙ ПЕТЕРЬ.

1.

Танцуетъ съ невѣстой женихъ молодой—
И иѣтъ ихъ восторгу предѣла;
А Петеръ стоитъ неподвижно-нѣмой,
Вѣлѣи и безжизненнѣй мѣла.

Влестять молодые, роскошнѣ ихъ нирѣ,
Богатѣ ихъ нарядѣ подвѣечный;
А Петеръ въ лохмотьяхъ—и жалокѣ, и сирѣ,
И полонѣ тревоги сердечной.

Тоскуеть бѣднякѣ—и подѣ бременемъ душѣ
Не сводитѣ съ нирующихъ взора:
„Ахъ, если-бѣ меня не удерживалѣ умѣ,
И съ жизнью покончилѣ бы скоро.“

2.

В груди моей горе большое ношу я
 И жжетъ мою душу печаль;
 И гдѣ-бъ ни стоялъ я, и гдѣ ни хожу я,
 Все что-то влечетъ меня вдаль.

„Влечетъ меня къ милой—и вѣрю надеждѣ,
 Что тамъ перестану страдать;
 Но въ очи взгляну ей—и что-то, какъ прежде,
 Впередъ меня гонить опять.

„И быстро на кручи вершины высокой
 Тоску уношу я мою,
 И тамъ неподвижный, нѣмой, одинокій,
 Я слезы горячія лью“.

3.

Ветеръ уныло по улицамъ бродить...
 Блѣдень, какъ тѣнь, нашъ бѣднякъ-
 нелюдимъ;
 Страхъ на прохожихъ несчастный наводитъ
 Пасмурнымъ видомъ своимъ.

„Видно, бѣднякъ этотъ“, шепчутъ дѣвицы,
 „Вышелъ изъ гроба, изъ міра тѣней“...
 —Нѣтъ, онъ не вышелъ изъ темной гробницы,
 Онъ направляется къ ней.

Кинуть бѣднякъ своимъ ангеломъ чуднымъ,
 Счастья не знать ему въ жизни земной...
 Лучше-жъ всего ему сномъ непробуднымъ
 Спать подъ могильной плитой.

ПРИГЛАШЕНИЕ.

Дни не пойду я, касатка моя,
Мы вместе пойдем непременно.
Мы в старую келью съ тобою пойдемъ,
Въ мой ветхій, холодный и сумрачный дождь;
Тамъ, скорчась, старушка сидитъ у дверей
И ждетъ, чтобъ вернулся сыночекъ поскорѣй.

— Отстань отъ меня ты, о, мрачный мой духъ,
Зачѣмъ ты за мною явился?
Пылаетъ твой взоръ—а рука холодна,
Ты дышишь огнемъ—а блѣдный полотно;
А я уживаюсь в чарахъ грезъ,
И солнечнымъ блескомъ, и запахомъ розъ.

Оставь свои розы и солнечный блескъ,
Моя дорогая малютка!
Широкой вуалью скорѣй повяжись
И звонкой гитары перстами коснись,
Да брачную пѣсню при этомъ запой;
Мелодію свищеть намъ вѣтеръ ночной.

Донъ Рамиро.

Донна Клара! донна Клара!
Милый другъ, давно любимый!
Ты, мой ангелъ, безпощадно
Обрекла меня на гибель.

„Донна Клара! донна Клара!
Сладокъ жизни даръ прекрасный,
А въ могилѣ, подъ землею,
Слишкомъ пасмурно и сыро.

„Веселися, донна Клара!
Завтра въ церкви донъ Фернандо
Назоветъ тебя женою...
Позовешь меня на свадьбу?“

— „Донъ Рамиро! донъ Рамиро!
Рѣчь твоя терзаетъ горше,
Чѣмъ насмѣшка звѣздъ небесныхъ
Надъ моею беспильной волей.

„Не кручинься, донъ Рамиро!
Много дѣвушекъ на свѣтѣ;
Насъ-же, милый мой, съ тобою
Разлучаетъ Всемогущій.

„Донъ Рамиро! донъ Рамиро!
Много мавровъ побѣдилъ ты...
Побѣди-же самъ себя ты
И явись ко мнѣ на свадьбу“.

— „Да, клянусь я, донна Клара,
Что приду на пиръ вѣнчальный;
Танцовать съ тобой хочу я...
А пока—спокойной ночи!“

Дверь балкона зазвенѣла—
И вздохнулъ несчастный рыцарь;
Простоялъ онъ долго, долго,—
И исчезъ во мракѣ ночи.

Долго съ утромъ ночь боролась...
Наконецъ, она бѣжала—
И роскошное Толедо
Заблестало пышнымъ садомъ.

Свѣтомъ солнечнымъ облиты,
Блещутъ виллы и чертоги;
Купола высокихъ храмовъ
Блещутъ яркой позолотой.

Какъ пчелиное жужжанье,
Звонъ несется колокольный,
И гремятъ въ Господнихъ храмахъ
Сладковзвучныя молитвы.

Но взгляните-ка на площадь—
Торопливо и толкаясь,
Тамъ выходятъ изъ капеллы
Массы пестраго народа.

Тамъ и рыцари, и дамы,
И придворные въ парадѣ;
Звонко колоколу вторятъ
Звуки стройныя органа.

Окруженные почетомъ,
Донъ Фернандо съ донной Кларой
Чинно шествуютъ въ народѣ
Новобрачною четвою.

Къ жениху въ роскошный замокъ
Весь народъ валитъ толпою;
Тамъ отпразднуется свадьба
По обычаямъ стариннымъ.

Шумъ и гамъ... обѣдъ смѣнили
Игры рыцарей отважныхъ;
Время быстро улетаетъ,
Ночь настала надъ землею.

И собрались гости въ залѣ,
Приготовленной для танцевъ;
Свѣтомъ факеловъ облиты
Ихъ роскошные наряды.

А женихъ съ своей невѣстой,
Донъ Фернандо съ донной Кларой
Тихо въ кресла опустились
И любезничаютъ нѣжно.

Гости радостно по залѣ
Пестрой движутся толпою;
Раздаются звуки бубновъ,
Трубы весело рокочуть.

„Отчего ты, дорогая,
Взоры пристально-пытливо
Въ уголь залы устремля?“
Тихо спрашивает рыцарь.

„Ты не видишь, донъ Фернандо,
Кто стоитъ тамъ въ черномъ платьѣ?“
Онъ съ улыбкой отвѣчаетъ:
„Это тѣнь, мой милый ангелъ“.

Но неожиданно тѣнь подходитъ,
И, узнавши въ ней Рамиро,
Донна Клара покраснѣла
И любезно поклонилась.

Гости весело танцуютъ,
Подъ трепить подъ ихъ ногами,
И Рамиро съ повобрачной
Въ вальсѣ бѣшеномъ кружатся.

„Я съ тобою, донъ Рамиро,
Съ удовольствіемъ танцую...
Но зачѣмъ сюда пришелъ ты
Въ этомъ черномъ одѣяніѣ?“

Рыцарь, Клару проищая
Взоромъ мрачнымъ и пытливымъ,
Шепчетъ голосомъ могильнымъ:
„Ты придти меня просила!“...

Быстро парочка несется
Средь лнвующихъ танцоровъ;
Раздаются звуки бубновъ,
Трубы-весело рокочуть.

„Ты, мой другъ, блѣднѣе снѣга“,
Шепчетъ Клара, содрагаясь;
„Ты придти меня просила!“...
Шепчетъ сумрачно Рамиро.

Ярко факелы сіяютъ
Въ этой залѣ многолюдной;
Раздаются звуки бубновъ,
Трубы весело рокочуть.

„Какъ ты холоденъ, Рамиро!“
Шепчетъ съ ужасомъ невѣста.
„Ты придти меня просила!“...
И быстрыѣ они несутся.

„Ахъ, пусти меня, Рамиро!
Отъ тебя могилой вѣетъ“...
Онь-же снова мрачно шепчетъ:
„Ты придти меня просила!“...

Поль дымится отъ куреній,
Трубы весело рокочуть;
Залъ мелькаетъ передъ ними,
Какъ волшебное видѣнье.

„О, пусти меня, Рамиро!“
Съ плачемъ просится невѣста;
Но упрямо шепчетъ рыцарь:
„Ты придти меня просила!“

„Такъ отстань-же, ради Бога!“
Твердо вымолвила Клара.
Лишь раздалась эта просьба,
Мигомъ рыцаря не стало.

Цѣпенѣтъ донна Клара.
Страшно щеки поблѣдѣли,
Мракъ ночной ее объемлетъ,
Холодъ въ душу проникаетъ.

Вдругъ разсѣялася греза,—
И глаза она открыла;
Но увь! отъ изумленья
Чуть ихъ снова не сомкнула...

Тамъ сидитъ она, гдѣ прежде,
И ни съ кѣмъ не танцовала,
И Фернандо, сидя рядомъ,
Говорить ей съ безпокойствомъ:

„Отчего ты поблѣдѣла,
И глаза твои такъ мрачны?“...
„А Рамиро?“ шепчетъ Клара,
Страшнымъ ужасомъ объята.

И отвѣтилъ донъ Фернандо,
Лобъ свой сумрачно наморщивъ:
„Ахъ, не спрашивай объ этомъ,
Донъ Рамиро нынче умеръ“...

ДОННА КЛАРА.

Ночь ясна. Въ саду гуляетъ
Молодая дочь алькада.
Звуки трубъ и барабановъ
Къ ней доносятся изъ замка.

„Опротивѣли мнѣ танцы,
Льстиво-приторныя рѣчи
И тѣ рыцари, что взоръ мой
Все приравниваютъ къ солнцу.

„Все мнѣ кажется несноснымъ
Съ той поры, какъ въ свѣтѣ лунномъ
Тотъ чудесный рыцарь съ лютней
Появился подъ балкономъ.

„Что за стройная осанка!
Что за блескъ въ глазахъ прекрасныхъ!
Благороднымъ, блѣднымъ ликомъ
Походилъ онъ на святаго“ . . .

Такъ, свой взоръ потупивъ въ землю,
Замечталась донна Клара.
Вдругъ—стоитъ предъ нею снова
Незнакомый чудный рыцарь.

И вдвоемъ они гуляютъ,
Блескомъ мѣсяца облиты.
Вѣтерокъ отраднo вѣетъ,
Розы сказочно киваютъ.

Розы сказочно киваютъ,
Пламенѣя нѣжной страстью.—
Отчего, скажи мнѣ, другъ мой,
Ты внезапно покраснѣла?

„Мнѣ лицо кусаютъ мошки;
Эти мошки нестерпимы—
Точно также, какъ несосны
Длинноносые евреи“.

Ахъ, оставь евреевъ, мошекъ! . . .
Шепчетъ рыцарь ей, ласкаясь.
Вотъ кругомъ съ деревь миндальныхъ
Бѣлый цвѣтъ слетаетъ роємъ.

Бѣлый цвѣтъ слетаетъ роємъ,
Разливая чудный запахъ.—
Но скажи мнѣ, милый другъ мой,
Всей-ль душой меня ты любишь?

„Да, люблю тебя, люблю я . . .
Въ этомъ Тѣмъ тебѣ клянусь я,
Кто отъ проклятыхъ евреевъ
Вынесъ тяжкія мученья“.

Ахъ, оставь Христа, евреевъ! . . .
Шепчетъ рыцарь ей, ласкаясь.
Вотъ вдали подъ луннымъ свѣтомъ
Дремятъ бѣлыя лилеи.

Дремятъ бѣлыя лилеи,
Звѣзды нѣжатъ ихъ лучами.—
Но скажи мнѣ, милый другъ мой,
Не клялась-ли ты мнѣ ложно?

„Нѣтъ въ словахъ моихъ обмана,
Какъ въ груди моей безгрѣшной
Нѣтъ ни крови гадкихъ мавровъ,
Ни жидовской грязной крови“.

Ахъ, оставь жидовъ и мавровъ! . . .
Шепчетъ рыцарь ей, ласкаясь,—
И подъ сѣнь темнѣйшихъ миртовъ
Онъ уводитъ дочь альбада.

Тайной сѣтью нѣжной страсти
Онъ опуталъ донну Клару:
Все отрывочнѣй ихъ рѣчи,
Все длиннѣй ихъ поцѣлуи.

Соловьи въ вустахъ заились
Сладострастной брачной пѣсней:
Свѣтляки сверкаютъ ярко
И въ травѣ игриво пляшутъ.

Подъ навѣсомъ все затихло . . .
Лишь порой, какъ-бы украдкой,
Слышнень шопотъ пѣжныхъ миртовъ
Съ благовонными цвѣтами.

Вдругъ изъ замка загремѣли
Звуки трубъ и барабановъ,—
И очулась донна Клара
Изъ объятій сладострастныхъ.

„Слышь! зовуть меня, мой милый,
Я пойду, но предъ разлукой
Разскажи мнѣ, милый, кто ты?
Для чего тебѣ скрываться?“

Рыцарь весело съ улыбкой
Донны пальчики цѣлуетъ;
Онъ цѣлуетъ лобъ и губы,
И потомъ ей отвѣчаетъ:

Я, сеньора, вашъ любовникъ,—
Сынъ прославленнаго старца;
Сынъ родной я Израэля,
Сарагосскаго раввина.

ТРАГЕДІЯ.

1.

Бѣги со мной, будь мнѣ женой,
„Прильни мнѣ къ сердцу головой;
„Ты въ немъ найдешь въ краю чужомъ
„Свой край родной, свой отчій домъ.

„Не то, умру, убить тоской,—
„И станешь жалкой сиротой,
„И домъ, гдѣ твой отецъ и мать,
„Чужбиной будешь называть“.

2.

Вней выпалъ весной на поля и кусты
И въ конецъ погубилъ голубые
цвѣты,
И засохли они и завяли.

Молодая по сердцу пришлась молодцу,
И опп, не сказавъ ни родвой, ни отцу,
Изъ родимаго дома бѣжали.

Долго, долго они на чужбинѣ брели,
Но ни счастья, ни радостей тамъ не нашли—
И, подобно цвѣтамъ, позавяли.

3.

Вадъ двойной могилой липа разцвѣ-
таеть,
Тихо вѣтеръ вѣетъ, пташечка рыдаеть,
И сидятъ подъ липой на травѣ зеленой
Мельникъ деревенскій съ дѣвушкой влюблен-
ной.

Сладко и уныло вѣетъ вѣтеръ въ полѣ,
Съ тихой грустью свищетъ пташечка на волѣ,
Парочка горюетъ—и сама не знаетъ,
Отчего такъ горько плачетъ и вздыхаетъ.

ЖЕНЩИНА.

Была ихъ любовь безгранично нѣжна,
Воронка былъ онъ, и воронка — она;
Когда его плутня усѣбна бывала, —
Въ постель повалившись, она хохотала.

Всегда ихъ встрѣчали веселымъ днемъ,
И ночь заставляла ихъ вѣчно вдвоемъ.
Въ тюрьму его взяли. Она не скучала —
И звонко надъ бѣднымъ дружкой хохотала.

Постала онъ ей вѣсть изъ темницы своей:
„Зачахну съ тоски я, прійди поскорѣй“...
Плутонка головкой въ отвѣтъ покачала —
И долго и звонко надъ нимъ хохотала.

Чѣмъ свѣтъ распростился бѣдникъ съ
головой,
А въ семь былъ закопанъ въ могилѣ сырой,
А въ восемь она ужъ вино попивала —
И долго и звонко съ другимъ хохотала.

ЗАКЛИНАНИЕ.

Дня и безмолвень, монахъ молодой
Сидитъ въ своей кельѣ убогой,
И старую книгу магическихъ чаръ
Читаетъ онъ съ тайной тревогой.

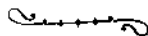
Бьетъ полночь... Не въ силахъ монахъ удержать

Книжцаго въ сердцѣ желанья,
И, блѣдный, зоветъ онъ подземныхъ владыкъ,
И робко творитъ заклинанья.

„Царицу красавицъ изъ гроба призвать
Прошу я васъ, адскія власти!
Зажгите вы жизнь въ ней... Хочу въ эту ночь
Отдаться я нѣгѣ и страсти“.

Едва заклинанье монахъ произнесъ,
Какъ вдругъ задрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ...
И видитъ—безмолвно предстала предъ нимъ
Красавица въ саванѣ бѣломъ.

Но взоръ ея мраченъ, тѣснить ея грудь
Тяжелые вздохи недуга...
И сѣла съ нимъ рядомъ—и оба они
Въ молчаньи глядятъ другъ на друга.

Г А С Т И Н Г С К О Е П О Л Е .

Глубоко вздыхает Вэльтгэмскій аббатъ,
Дошла къ нему вѣсть роковая:
Подъ Гастингомъ палъ благородный Га-
рольдъ,
Владыка родимаго края.

И двухъ чернецовъ посылаетъ аббатъ
На поле кроваваго боя,
Чтобъ тамъ отыскать среди павшихъ бойцовъ
Священное тѣло героя.

Отправились грустно монахи въ свой путь—
И грустно вернулись вскорѣ.
„Отецъ преподобный! Свѣтъ Божій не миль!
Постигло насъ страшное горе.

„Насъ воръ побѣдилъ, а достойнѣйшій мужъ
Лежить, бездыханный, на полѣ.
Разбойники дѣлятъ родимый нашъ край—
И вольные саксы въ неволѣ.

„Становится лордомъ британской земли
Ничтожный порманскій бродяга;
Предъ нами катадся въ шитьѣ золотомъ
Какой-то безродный портняга.

„О, горе, о, горе саксонцамъ теперь! . . .
Пришелець съ безбожнымъ задоромъ
И васъ, о, святые саксонской земли,
На-вѣки покроетъ позоромъ.

„Теперь ужъ мы знаемъ, какую бѣдой
Грозилъ звѣзда огневая,
Которая въ небѣ носилась всю ночь,
Кровавой метлою сверкая.

„Подъ Гастингомъ нынѣ сбылося вполнѣ
То знаменье бѣды и печали...
Мы поле сраженья кругомъ обошли
И долго средь труповъ искали.

„Искали мы долго, искали звездъ
Въ томлени надежды и страха,
Но, къ нашему горю, плгдѣ не нашли
Мы тамъ королевскаго праха“...

Аббатъ съ сокрушенъемъ разсказу венмалъ
И въ странно-мучительномъ горѣ
Повнелъ головою... Потомъ онъ сказалъ
Съ глубокой тоскою во взорѣ:

„Въ лѣсу Грендельфильда, гдѣ сосны шумятъ,
Зловѣщей громадой чертѣя,
Живетъ одиноко въ убогой избѣ
Эдифъ Лебедная-Шея.

„Извѣстна была она шейей своей,
Прекрасной и бѣлой и стройной,
И страстно ее въ молодые лѣта
Любилъ повелитель покойный.

„Любилъ, мпловать... а потомъ разлюбилъ—
И съ нею на-вѣки разстался...
И время летѣло... шестнадцатый годъ
Съ тѣхъ поръ надъ землею промчался.

„Пойдите вы къ ней—и ведите ее
Туда, гдѣ сраженъе кипѣло.
Глазъ женщины зорюкъ; я знаю, она
Найдетъ королевское тѣло.

„Сюда принесете останки того,
Кто удалъ явилъ намъ и силу;
Мы долгъ христіанскій надъ прахомъ свершимъ
И съ честью опустимъ въ могилу“.

Пришли они въ полночь къ жилищѣ лѣсной,
Забывшей мірскую тревогу.

„Эдифъ Лебедная-Шея! вставай—
И съ нами отправься въ дорогу.

„Разбиты подъ Гастингсомъ наши войска,
Сразилъ ихъ принцелецъ безродный,
И въ битвѣ кровавой отъ вражьей руки
Погибъ и Гарольдъ благородный.

„Пойдемъ съ нами вмѣстѣ искать его трупъ
На полѣ кроваваго боя;
Аббатъ приказалъ намъ въ обитель принести
Святые останки героя“.

Эдифъ съ ними тотчасъ отправилась въ путь,
Въ отвѣтъ не промолвивъ ни слова;
Ей вѣтеръ сѣдые трепалъ волоса,
Страшна была ночь и сурова.

По мхамъ и болотамъ, кореньямъ и пнямъ
Бѣдняжка тащилась, босая,
И вотъ на разсвѣтъ ей гастингскихъ скалъ
Открылась гряда мѣловая.

Бѣлѣвѣйшій, какъ саванъ, надъ полемъ туманъ
Вавивался подъ яркой денницею,
И черные вороны, мерзко крича,
Вспорхнули съ земли вереницею.

Тамъ лошади гнили; тамъ трупы бойцовъ,
Погибшихъ съ почетомъ и славой,
Истерзаны, голы, въ пыли и въ крови,
Валялись на почвѣ кровавой.

Идетъ среди труповъ Эдифъ босикомъ,
Шаги ея прями и смѣлы,
И острые взгляды пытливыхъ очей
Кругомъ она мечеть, какъ стрѣлы.

Повсюду и смотреть, и шцетъ она,
Цѣмою тревогой объята;
Съ трудомъ, задыхаясь, за нею во слѣдъ
Плетутся посланцы аббата.

Ужь вечеръ насталь... Вся равнина кругомъ
Замолкла въ величїи дикомъ...
Вдругъ бѣдная съ крикомъ припала къ землѣ,
Съ ужаснымъ, пронзительнымъ крикомъ.

Нашла Лебедивая-Шея, нашла...
Покойный король передъ нею!
Безъ словъ и безъ стона поныкла она
Надъ мертвой любовью своею.

Къ любимому тѣлу прижалась она
Со страстной, безумной любовью
И стала лобзать и уста, и чело,
И рану съ запекшейся кровью.

И крѣпко къ тремъ знакамъ на миломъ плечѣ
Бѣдняжка прильнула устами:
Когда-то въ пылу безконечной любви
Она нанесла ихъ зубами.

Монахи-жь носилки сплели пзъ вѣтвей,—

И попу свою дорогую

Въ безмолвной печали они понесли

Къ аббату въ обитель святую.

Полуночный вѣтеръ ушло шумѣть,

Надъ мрачными соснами вѣя,

И тихо за трупомъ любимымъ пошла

Эдифъ Лебединая-Шея.

И жалобно-дѣтски заплѣла она...

Тѣ пѣсенки думу жемгли

И страшно звучали въ ночной тишинѣ...

Монахи молитву творили.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вустая дубрава роскошно цвѣтетъ,
Бздокъ по ней мчится верхомъ;
То въ рогъ затрубить онъ, то пѣсню поетъ,
Доволенъ и весель лицомъ.

Душой своей крѣпче онъ стали литой,
Въ стальную броню онъ одѣтъ;
То—Львиное Сердце, то славный герой,
Христова то воинства цвѣтъ.

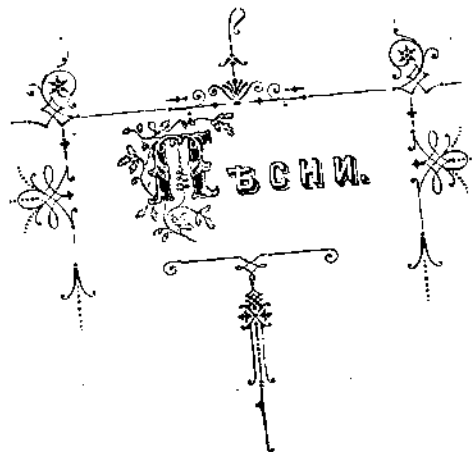
„Здорово, король нашъ!“ звучитъ передъ нимъ
Привѣтственный лепетъ листовъ;
„Мы рады, король нашъ, что ты невредимъ
Ушелъ отъ австрійскихъ оковъ“.

И Ричарду любо на волѣ дышать,

Онъ новою жизнью живеть...

Вдругъ запахъ темницы онъ вспомнилъ опять—

И шпоры коню онъ даетъ.

Изъ „LIEDER“.

1.

громъ вставъ, я занятъ думой:
Встрѣчусь-ли съ тобой?
Какъ стемнѣетъ, я, угрюмый,
Никну головой.

Отъ досады, отъ смятенья
Въ ночь не спится мнѣ,
И потомъ брожу весь день я,
Будто въ полуснѣ.

2.

Вечусь въ тревогѣ, я забылъ покой...
 Часъ-другой промчится — и увижусь
 съ нею,
 Съ лучшей изъ красавицъ, съ милою моею...
 Что-жъ ты, сердце, бьешься съ трепетной
 тоской?

Ахъ, часы — лѣнивый, мѣшкотный народъ!
 Совершаютъ путь свой съ явной неохотой,
 Еле тащатъ поги, чуть-ли не съ зѣвотой...
 Ну-же, шевелитесь, и скорѣй — впередъ!

Страстнымъ я порывомъ, какъ огнемъ,
 объять...

Нѣтъ, любви, какъ видно, не знавали Оры —
 И въ союзѣ тайномъ, строя заговоры,
 Надъ горячкѣй страсти весело трунять.

3.

Вадомъ пустыннымъ брожу я,
 Темныя лины кругомъ;
 Превжнія, старыя грезы
 Ожили въ сердцѣ моемъ.

Гдѣ научились вы, птички,
 Пѣснѣ завѣтной моей?
 Только услышу тѣ звуки,
 Сердце занеетъ сильнѣй.

— „Въ нашемъ саду эту пѣсню
 Дѣвушка пѣла одна;
 Дивнымъ, чарующимъ звукамъ
 Насъ научила она“.

Полно хитрить! не съумѣть вамъ
 Вывѣдать тайну мою;
 Я недовѣрчивъ — и горе
 Въ сердцѣ глубоко таю.

4.

Другъ милый! дай къ сердцу мнѣ
ручку свою!

Чу! слышишь тамъ стукъ и возню?

То злой гробовщикъ тамъ стучитъ молоткомъ—
И вѣчный готовить мнѣ домъ.

Стучитъ онъ весь день и всю ночь напролетъ,
Мнѣ стукъ его спать не даетъ.

Эхъ, мастеръ, снѣжи и кончай какъ-нибудь,
Чтобъ могъ я скорѣе уснуть.

242

5.

Золыбель моихъ страданій,
Милый гробъ покойныхъ лѣтъ,
Милый городъ!.. на прощаньи
Страстный шлю тебѣ привѣтъ.

Ты прости, о, садъ священный,
Ты прости, святой порогъ,
Гдѣ встрѣчалъ я ликъ безцвѣтный,
Гдѣ — слѣды любимыхъ ногъ.

Сердца милая царица!
Лучше-бъ и тебѣ не звать:
Не пришлось-бы мнѣ томиться,
Я-бы сердцемъ не страдалъ.

Не томилъ тебя мольбою
Внять признаньямъ я моимъ...
Я дышать хотѣлъ съ тобою
Только воздухомъ однимъ.

243

Но меня отсюда гонять
Твой упрекъ, твой гордый тонъ;
Сердце раненое стонеть,
Мозгъ безумьемъ поражень.

И, растративъ умъ и силу,
Я бреду уныло въ даль —
И тащусь, пока въ могилу
Схороню свою печаль.

6.

Тогоди, морякъ суровый,
Я сейчасъ пойду съ тобой;
Дай проститься мнѣ — съ Европой
И съ подругой молодой.

Ключъ кровавый! бей изъ сердца,
И изъ глазъ немолчно бей;
Запишу я муки сердца
Кровью жаркою своей.

Отчего, мой другъ, боишься
Видѣть нынче кровь мою?
Вѣдь всю жизнь съ кровавымъ сердцемъ
Предъ тобою я стою!

Помнишь старое сказанье,
Какъ змѣя въ раю земномъ
Прародителей стубила
Недозволеннымъ плодомъ?

Часто яблоко губило:
Ева смерть внесла съ нимъ къ намъ;
Вѣчно-гнѣвная Эрида
Съ нимъ огонь внесла въ Пергамъ.

Ты-же, ты мнѣ вдвое больше
Причинила, другъ мой, зла;
Ахъ, вѣдь ты огонь со смертию
Мнѣ совмѣстно принесла.

7.

Рородъ съ горъ своихъ глядится
Въ глубь зеркальныхъ рейнскихъ волнъ,
И по Рейну быстро мчится
Въ блескѣ солнечномъ мой челнъ.

Мирнымъ взоромъ вижу снова
Игры рѣзвыя волны, —
И встаютъ мечты былого
Изъ сердечной глубины.

Свѣтлымъ, радостнымъ привѣтомъ
Рейнъ манить насъ въ глубь свою;
Но подъ этимъ виѣшнимъ свѣтомъ
Смерть и мракъ я узнаю.

Съ виду — радость, въ сердцѣ — горе...
Рейнъ — возлюбленной портретъ:
И у ней въ прекрасномъ взорѣ
Тотъ-же ласковый привѣтъ.

8.

В ума следа меня тревога:
„Не снести мнѣ“, думалъ я, „никакъ“...
А вотъ-же снесъ... Но, ради Бога,
Вы не разспрашивайте: какъ?

9.

И шурой, кинарисомъ и пышнымъ
вѣнкомъ
И хотѣлъ-бы убрать этотъ маленькій томъ,
И въ прелестную книжку, какъ въ гробъ
дорогой,
Уложить свои пѣсни на вѣчный покой.

Схоронилъ-бы туда я и страсти мои!...
Разцвѣтаетъ покой на могилѣ любви...
Это — милый цвѣтокъ, люди тѣшатся имъ...
Будетъ цвѣсть онъ и мнѣ, — да надъ гро-
бомъ моимъ!

Здѣсь покоятся пѣсни, что бурнымъ
ручьемъ,
Миллионы огней разливая кругомъ,
Изъ души вырвались на вольный просторъ,
Какъ огонь изъ груди огнедышащихъ горъ.

А теперь онъ мертвы и труповъ блѣднѣй,
Безотрадны, какъ сумракъ осеннихъ ночей...
Но любовь на нихъ снова дохлѣтъ теплотой, —
И опять заживутъ онъ жизнью былой.

И предчувствую я, что когда-нибудь вновь
На угрюмыя пѣсни повесть любовь,
Что когда-нибудь будешь ты книжку мою
Перелистывать снова въ далекомъ краю.

И тогда-то всѣ чары разрушатся вдругъ,
Эти блѣдныя бубны заблещутъ, мой другъ,
И все станутъ заглядывать въ очи твои
Да шептать про любовь и страданья мои.

Изъ „Интермедии“.

1.

Прологъ.

Былъ нѣкогда рыцарь угрюмый, худой,
Тяжелой тоской удрученный;
Шатаясь, бродилъ онъ, какъ призракъ нѣмой,
Въ зловищіе сны погруженный...
И былъ онъ такъ дикъ и неловокъ и вялъ...
Въ цвѣтахъ и дѣвницахъ онъ смѣхъ возбуж-
далъ,
Когда проходилъ полусонный.

Онъ часто безвыходно дома сидѣлъ,
Тая отъ людей свои муки,
И тихо, безмолвно на двери глядѣлъ,
Съ тоской простирая къ нимъ руки.

И въ часъ полуночи, во мракъ ночною,
Тамъ пѣнье и звонъ раздавался кругомъ,
И страшные слышались стукы.

И дѣва являлась тамъ. Платье на ней
Шумѣло, какъ пѣна на морѣ;
Пѣла она розы милѣй и пышнѣй
Въ блестящемъ, роскошномъ уборѣ;
Спадали на плечи ей кудри волной,
И много свѣтилось любви огнесвой
Въ ея уопительномъ взорѣ.

И онъ ее страстно тогда обнималъ,
И силы въ немъ вдругъ оживали;
Онъ дѣлался ловкомъ и смѣль и удалъ —
И пламенемъ щекъ пылалъ.
Она-жъ наклонялась надъ нимъ головой, —
И милыя ручки ему кисеей
Тихонько глаза закрывали.

И вотъ онъ въ чертогѣхъ подъ сводомъ морей,
Съ нимъ нѣкѣ сидитъ молодая,

Все свѣтитъ кругомъ, красотою своей
Чаруя и взоръ остѣвляя...
Она его крѣпко прижала рукой...
Счастливымъ женихъ онъ царицы морской —
И громко гудитъ плясовая.

Играютъ, поютъ и танцуютъ кругомъ,
Красавицы вьются толпою,
И рыцарь невесту въ восторгъ нѣжомъ
Сильнѣй обвиняетъ рукою...
Но вдругъ печезаютъ и замокъ и свѣтъ, —
И въ темной коморѣ нашъ рыцарь-поэтъ
Какъ прежде томится тоскою.

4.

Готою я на горной вершинѣ,
Увлекшись невольной мечтой;
„Зачѣмъ я не вольная птичка?“
Вздыхаю я съ грустной душой.

Ахъ! если-бы ласточкой былъ я,
То, страстной любовью томимъ.
Я тотчасъ гнѣздо свое свить-бы
Надъ милымъ окошкомъ твоимъ.

А если-бы былъ соловьемъ я, —
Тебѣ, въ упоеннѣ любви,
Все пѣль-бы на лигѣ зеленой
Я дивныя пѣсни свои.

А если-бъ я былъ попугаемъ,
Слетѣль-бы на грудь твою я...
Вѣдь ты попугасъ такъ любишь,
Прелестная крошка моя!

5.

Вѣтеръ осенній качаетъ деревья,
Мракъ и пепастые кругомъ;
Сѣрымъ плащемъ своимъ плотно окутанъ,
Бѣду по лѣсу верхомъ.

Мчится мой конь, но, его обгоняя,
Мысль моя мчится быстрѣй;
Рѣзво лечу я на крыльяхъ воздушныхъ
Къ дому подруги моей.

Лаютъ собаки... Толпой со свѣчами
Слуги выходятъ на дворъ...
Быстро бѣгу я по лѣстницѣ круглой
Съ громкимъ бряцаніемъ шпоръ.

Въ тихомъ покоѣ, обитомъ коврами, —
Свѣтъ, аромать, теплота...
Снова я съ нею... И въ страстномъ лобзаннѣ
Крѣпко сомкнулись уста.

Вѣтеръ сердито качаетъ деревья,
Шепчуть мнѣ листья кругомъ:
„Ахъ, какъ смѣшонъ ты, безмысленный
всадникъ,
Съ этимъ безмысленнымъ сномъ“.

6.

Орвалась искорка съ неба —
И надасть внизъ навсегда...
Увы! то катится на землю
Любви золотая звѣзда.

Вотъ съ яблони листья слетаютъ —
И, рѣзво кружась надъ землею,
Несется по прихоти вѣтра
Ихъ легкій, трепещущій рой.

Поетъ свою пѣсенку лебедь,
Кружась по лазурнымъ волнамъ...
Все глуше поетъ онъ — и съ пѣсней
Онъ вдругъ умираетъ и самъ.

Все стало такъ тихо и мрачно!
Разсыпалась съ трескомъ звѣзда,
На яблони нѣтъ ни листочка
И лебедь умоляетъ навсегда.

ИЗЪ „HEIMKENS“.

1.

Луманъ опустился на море —
И, дикою яростью полны,
Въ глухомъ и таинственномъ спорѣ
Шумѣли кипучія волны.

И фея изъ волнъ появилась
И на-берегъ съѣла со мною;
Въ ней сердце порывисто билось —
И груди вздымались волною.

И больно она меня сжала,
Въ объятыхъ моихъ себя грѣя...
— Пусти меня! больно мнѣ стало,
Морская прекрасная фея.

„Прохладно вечерней порою,
И крѣпко къ груди тебя жму я,
Затѣмъ что, мой милый, тобою
Согрѣть свое тѣло хочу я“.

Луна изъ заоблачной дали
Мерцаетъ, замѣтно блѣднѣя...
— Глаза твои влажными стали,
Морская прекрасная фея!

„Глаза мои влажны не съ горя,
То въ нихъ не слеза показалась;
Когда поднялась я изъ моря,
Въ нихъ свѣтлая капля осталась“.

Крикъ чаекъ вдали раздается,
И море клокочетъ, чернѣя...
— Какъ сердце въ груди твоей бьется,
Морская прекрасная фея!

„Болитъ мое сердце смертельно
И бьется съ безумною силой,
Затѣмъ что тебя безпредѣльно
И страстно люблю я, мой милый“.

Въ ночь любимая спитась —
 Съ печальнымъ и робкимъ лицомъ;
 Не жегъ уже щекъ ей румянецъ,
 Глаза не пылали огнемъ.

У ней на рукѣ былъ ребенокъ,
 А объ-руку плелся другой:
 Во взорѣ, походѣ и платьѣ
 Видлѣлись страданья съ нуждой.

Вродила она по базару,
 И тамъ я ее повстрѣчалъ;
 Взглянула она — и я тихо
 Ей съ грустью сердечной сказалъ:

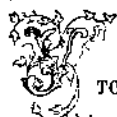
Уныла, блѣдна и хвора ты!
 Пойдемъ, дорогая, въ мой домъ;
 Понтъ и кормить тебя буду
 И честнымъ, прилежнымъ трудомъ.

Дѣтей твоихъ буду ласкать я,
 Какъ будто отецъ ихъ родной:
 Но больше всего буду нѣжить
 Тебя, мой ребенокъ больной.

Во-вѣки тебѣ не напомню
 О прежней любви я своей,
 А если умрешь ты, — я буду
 Рыдать надъ могилой твоей.

3.

Тебя уста — какъ розы,
А глаза прелестнѣй дня;
О тебѣ, моя малютка,
День и ночь мечтаю я.

Длиннѣе нынче зимній вечеръ...
Я-бъ хотѣлъ, другъ милый мой,
Въ нашей комнаткѣ уютной
Посидѣть теперь съ тобой.

И къ устамъ своимъ прикалѣ-бы
Ручку бѣлую твою,
И слезами орошалѣ-бы
Ручку бѣлую твою.

4.

Хотѣлъ я съ тобою побыть, дорогая,
На грудь твою лечь головой;
Но ты мнѣ сказала: „теперь занята я,“
И тотчасъ разсталась со мной.

Я сталъ говорить о любви своей вѣчной,
О томъ, что все сердце въ огнѣ...
Въ отвѣтъ мнѣ раздался твой смѣхъ безсер-
дечный,
И... книксенъ ты сдѣлала мнѣ.

Чтобъ въ сердцѣ моемъ увеличить страданье,
Усилить мой адскій недугъ,
Ты мнѣ отказала въ прощальномъ лобзаньѣ,
Мой милый и вѣтренный другъ!

Но все-же не думай, что, тяжело страдая,
Готовъ я покончить съ собой:
Подобныя вещи, моя дорогая,
Не разъ ужъ бывали со мной...

5.

Мой другъ, если станешь супругой мой,
Ты зависть во многихъ возбудишь:
Увидишь ты множество радостныхъ дней,
Тонуть въ удовольствіяхъ будешь.

Твой крикъ, твою брань перенести я готовъ,—
И кротокъ, учтивъ, безмятеженъ...
Но если не вступишь моихъ ты стиховъ,
То знай, что разводъ неизбеженъ.

—) Изъ „SERAPHINE“.

1.

Барышня плачетъ у моря,
Плачетъ съ глубокой тоской;
Жаль ей, что красное солнце
Скрылось въ пучинѣ морской.

Барышня! право, не стоитъ
Такъ неутѣнно рыдать:
Спереди солнце заходитъ,
Сзади восходитъ опять.

2.

На черныхъ корабль мой плыветь па-
русахъ

По морю въ безбрежную даль.

Ты знаешь, какъ сильно грущу и скорблю...

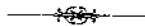
Зачѣмъ-же усилить печаль?

Какъ вѣтеръ свободный измѣнчива ты,

Мени тебѣ мучить не жаль...

На черныхъ корабль мой плыветь парусахъ

По морю въ безбрежную даль.

3.

Вѣзь волнь выступаетъ высокій гра-
нить,

Сижу на немъ, грезой объять;

А вѣтеръ бушуетъ и чайка кричитъ

И волны бѣгутъ и шумять.

Быль очень любимъ я малюткой моею,

И очень друзьями богатъ.

Но гдѣ они?... вѣтеръ бушуетъ сильнѣй

И волны бѣгутъ и шумять.

НА ЧУЖБИНѢ.

1.

Вѣда, зачѣмъ, не знаешь самъ —
Влечетъ тебя тоска;
И сладкій зовъ твоимъ ушамъ
Звучитъ издалека.

Слова возлюбленной звучать,
Къ странѣ родной маня:
„Вернись, о милый мой, назадъ:
Въ тебѣ вся жизнь моя!“

Останься глухъ къ ея мольбѣ
И въ даль держи свой путь:
Что ты любилъ, того тебѣ
Ужъ больше не вернуть.

2.

Пѣсни милаго поэта
Дивной музыкой звучали;
Будь онъ здѣсь, его-бъ теперь мы
Отъ души разцѣловали.

Но пока такъ мило дамы
Милой тѣшились мечтою,
Я томился на чужбинѣ
Безконечною тоскою.

Пусть на югѣ солнце ярко,
Легче-ль сѣверному краю?
Отъ заочныхъ поцѣлуевъ
Я блаженства не вкушаю.

3.

нилась мнѣ дѣвушка: косы, какъ смоль,
Глазки пылали огнемъ;
Съ нею подъ липой просыпавалъ я
Лѣтнія ночи вдвоемъ.

Были такъ сладки тамъ рѣчи любви
И поцѣлуй звучны;
Звѣзды вздыхали въ лазури небесъ,
Завпсти тайной полны.

Вдругъ я проснулся. Со мной никого —
Въ страшной ночной темнотѣ;
Нѣмо и холодно тусклымъ огнемъ
Звѣзды горять въ высотѣ.

4.

авно ужъ ты не быть такъ грустно,
настроень,
Такъ преданъ печальнымъ мечтамъ;
Ты часто вздыхаешь — и слезы катятся
Жемчужной струей по щекамъ.

Быть можетъ, ты вспомнилъ о скрытой въ
туманѣ,

О дальней отчизнѣ своей, —
И сердце тоскою по родинѣ милой
Томится сильнѣй и сильнѣй?

Ты вспомнилъ, быть можетъ, о милой ма-
люткѣ?

Вы жить не умѣли безъ ссоръ,
Но скоро мирались — и смѣхомъ веселымъ
Кончали минутный раздоръ...

Иль вспомнил, быть может, разлуку съ
друзьями

Въ великій и памятный часъ?

Процались вы молча, но сердце на части
Въ груди разрывалось у васъ.

Иль, можетъ быть, вспомнилъ сестру до-
рогую

И нѣжно любимую мать, —

И въ эту минуту въ строптивое сердце
Какъ будто сошла благодать?

Иль, можетъ быть, вспомнилъ любимую рощу,
Гдѣ множество радужныхъ думъ,
Гдѣ радость надежды и горечь сомнѣнья
Всегда волновали твой умъ?

Ахъ, стало ужь поздно. Снѣжокъ мокроватый
Идетъ непрерывно съ утра.
Мнѣ нужно одѣться и ѣхать на вечеръ...
О, Господи, что за хандра!

5.

Прекрасный край былъ родной моей —
Высоко росъ тамъ кленъ,
И много розъ цвѣло среди полей...
Но то былъ сонъ!

Родной языкъ будить огонь въ крови,
Какъ дивный арфы звонъ;
Я тамъ слыхалъ одни слова любви...
Но то былъ сонъ!

Изъ „LAZARUS“.

Въ груди моей въ маргѣ зажглася любовь,
Туманя мнѣ разумъ, волнуя мнѣ кровь;
Но май засіялъ, утоная въ цвѣтахъ, —
И все мое горе разсѣялось въ прахъ.

Я помню, какъ солнце сіяло съ небесъ,
Я помню больнои, густолиственный лѣсъ;
На дернѣ зеленомъ, подѣ липои густой,
Я тамъ свое сердце открылъ предѣ тобой.

Прелестенъ былъ запахъ цвѣтовъ. Средь
вѣтвей
Въ лѣсу вдохновенно гремѣлъ соловей.
Но некогда было намъ трелямъ внимать,
О важныхъ вещахъ намъ пришлось толковать.

Мы въ вѣрности вѣчнои другъ другу кля-
лись,

А время летѣло... ужъ звѣзды зажглись,
Но мы еще долго сидѣли вдвоемъ —
И плакали оба во мракѣ ночномъ.

Изъ „ПОСМЕРТНЫХЪ ПѢСЕНЬ“.

1.

Когда разобьются два юныя сердца
Отъ пытокъ любви роковой,
Съ улыбкой глядятъ на нихъ свѣтлыя
звѣзды,
Красуясь въ дали голубой.

И шепчутъ онѣ: „о, несчастные люди!
Любовь ихъ безумно сильна,
Но этой любовью они себя губятъ,
Она имъ на гибель дана.“

„А мы незнакомы съ земною любовью,
Терзающей сердце людей...
Затѣмъ и бессмертны мы, свѣтлыя звѣзды,
Въ красѣ вѣковѣчной своей.“

2.

дорогой мечталъ я днемъ,
Мечталъ во тьмѣ ночной...
И лишь уснувъ, она во снѣ
Предстала предо мной.

Пышной, милой весеннихъ розъ,
Спокойна и нѣжна,
Сидѣла съ бѣлою канвой
За пильцами она.

Глядѣла кротко... странной ей
Казалась грусть моя...
„Что значить, другъ, твой блѣдный видъ?
Скажи, гдѣ боль твоя?“

Казалось страннымъ ей, что лью
Горючихъ слезъ ручьи...
„Кто вызвалъ, милый мой, скажи,
Страданія твои?“

Глядѣла кротко... а во мнѣ
Душа была мрачна...
„Терзаешь ты меня — и боль
Въ груди затаена“.

Тогда она моей груди
Коснулася рукой —
И боль прошла... И всталъ со сна
Я съ радостной душой.

3.

Твой умный взоръ я вижу предъ собою...
Изъ насъ, мой другъ, права, конечно ты:
Могла-бъ ли быть ты счастлива со мною?
Я — демонъ зла, ты — гений доброты.

Я золь; мнѣ желчь все сердце изсушила —
И я подчасъ глумился надъ тобой;
А ты меня такъ пламенно любила,
Всегда была такъ искренна со мной.

4.

Прекрасно блеститъ заходящее солнце,
Но блещетъ прекрасный твой взоръ
огневой;
Вечерній закатъ и глаза твои, другъ мой,
Глядятъ въ мое сердце съ гнетущей тоской.

Вечерній закатъ — это символъ разлуки,
Сердечнаго мрака, сердечныхъ скорбей...
Увы! мое сердце отъ глазъ твоихъ мплыхъ
Отдѣлится скоро пустыней морей.

5.

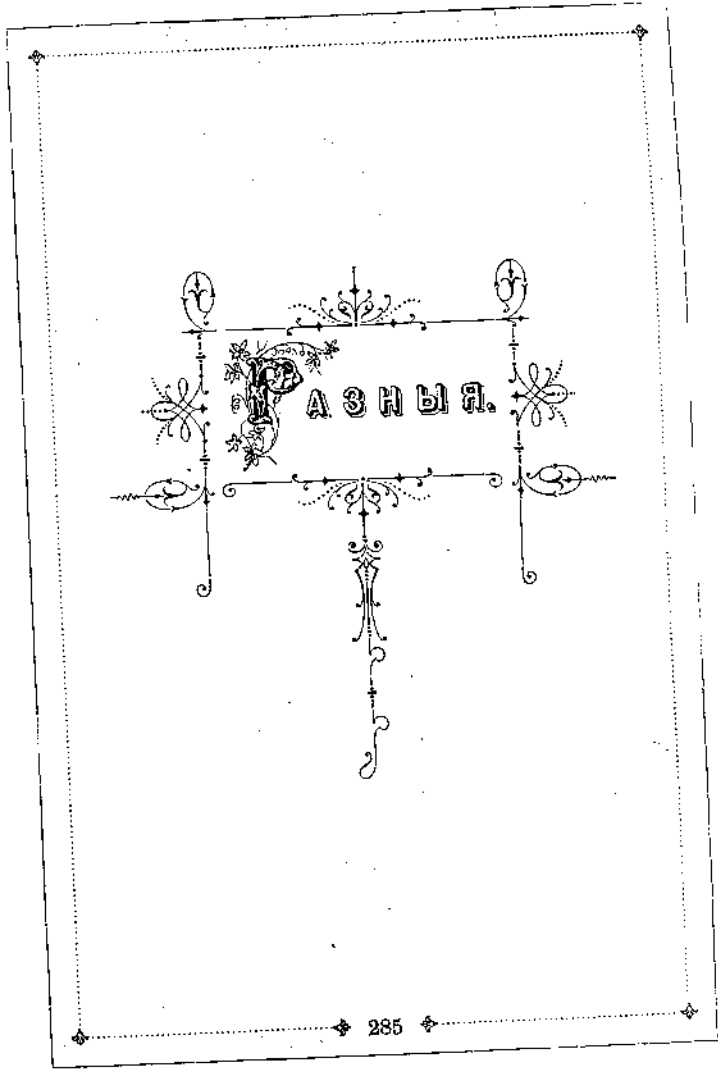

Плюгость средневѣковая
Вытѣсняется искусствомъ:
Сталъ роляь теперь главнѣйшимъ
Инструментомъ просвѣщенья.

И желѣзные дороги
Много благъ приносятъ въ жизнь,
Облегчая намъ возможность
Отъ родни держаться дальше.

Ахъ, какъ жаль мнѣ, что сухотка
Моего спиннаго мозга
Не дастъ мнѣ жить подольше
Въ прогрессивномъ этомъ мѣрѣ.

Въ Лондонѣ.

Чтобъ умереть я могъ спокойно,
Раздолье дайте мнѣ луговъ;
Мнѣ душно въ сферѣ этой узкой,
Въ притонѣ лавочныхъ дѣльцовъ.

Ѣдятъ и пьютъ они безъ мѣры,
Ихъ жизнь скотская не мерзка,
И широко ихъ милосердье,
Какъ дырка въ кружкѣ бѣдняка.

Во рту сигары, руки въ брюкахъ,
Довольствомъ взоръ всегда горитъ.
Щицеваренье превосходно, —
Но кто-же ихъ переварить?

Изъ разныхъ странъ косметикъ много
Сюда привозятъ торгаши,
Но все-же воздухъ здѣсь пропитанъ
Вонючей гнилью ихъ души.

Идти, видѣ кровавыхъ преступленій
Моей душѣ въ сто разъ сноснѣй,
Чѣмъ ихъ торгашеская честность
Во взносѣ срочныхъ платежей.

О, тучки! съ вами такъ охотно
Я вдаль умчался-бы давно:
Хоть къ африканцамъ, хоть къ лапланд-
цамъ,
Хоть даже къ пѣмдамъ, — все равно...

Но тучки хитрыя не внемлютъ...
Лета въ небесной вышинѣ,
Надъ этимъ городомъ со страхомъ
Скорѣй проносятся онѣ.

ДОКТРИНА.

Золоти въ барабанъ безъ боязни,
Марштантку цѣлуй подъ набатъ...
Вотъ и вся папа книжная мудрость,
Вотъ науки прямой результатъ.

Пусть людей ото сна пробуждая,
Все звучнѣй раздается твой стукъ;
А ты самъ все впередъ подвигайся...
Вотъ послѣднее слово наукъ.

Вотъ и Гегель съ своею системою,
И весь разумъ науки земной;
Я не глупъ, я давно это понялъ —
И теперь барабанщикъ лшхой.

ПРЕДОСТОРОЖЕНІЕ.

Выдаешь такія книги!
Ты погибъ во цвѣтъ дней!
Хочешь почестей и денегъ, —
Будь практичнѣй и умнѣй.

Мой совѣтъ: не пѣть публично, —
Чтобъ не слышала толпа, —
Ни про знатнаго вельможу,
Ни про скромнаго юна.

Берегись! Владѣютъ длиннымъ
Языкомъ у насъ поны,
Длины руки — у вельможи,
Длины уши — у толпы.

ТАЙНА.

Мы не вздыхаемъ, мы не плачемъ,
Мы вѣчно веселы лицомъ;
Ни взглядомъ глазъ, ни тономъ рѣчи
Завѣтныхъ тайпъ не выдаемъ.

Съ нѣмыми муками своими
На днѣ души онѣ лежатъ;
Изъ сердца рвутся наши стоны, —
А ротъ нашъ судорожно жмать.

Спроси ребенка въ колыбели,
Спроси у спящихъ подъ землей;
Отъ нихъ, быть можетъ, ты узнаешь,
Что я тамъ передъ тобой.

ВѢСТИ ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

Ты прибылъ сюда изъ родимой страны,
Гдѣ не былъ я долгіе годы;
Скажи мнѣ, какъ дома живутъ земляки,
Добился-ли край нашъ свободы?

„Все, другъ мой, отлично. Царить бла-
годать

Надъ скромнымъ и нравственнымъ краемъ.
Мы тихо и мирно спокойнымъ путемъ
Нашъ внутренній міръ развиваемъ.

„Вѣдь мы не французы. Намъ вѣшность
смѣшна.

Мы вѣшной свободы не просимъ.
Смиранные нѣмцы, свободу свою
Мы тайно въ дугѣ своей носимъ.

„По милости царской мы въ Кельнѣ теперь
Докончимъ постройку собора;
Не будетъ онъ домомъ парламентскихъ смуть,
Ареной грѣховнаго спора.

„Король обѣщаль намъ — странѣ даровать
Свободу на почвѣ законной;
А слово его — это истинный кладъ...
Глубоко въ землѣ схороненный.

„Свободнаго Рейна ужъ насъ не лишать,
Напрасны былия тревоги:
Швейцарецъ за голову держать его,
Голландецъ связать ему ноги...

„Намъ Богомъ дарованъ порядочный флотъ,
Онъ благъ принесетъ намъ безъ мѣры;
Теперь мы всѣ тюрьмы у насъ упразднимъ...
И станемъ ссылатъ на галеры.

„Весна и свобода кругомъ разцвѣли,
Мы дышемъ счастливымъ покоемъ;
И если печатать совѣмъ запретить, —
То даже цензуру закроемъ.“

ТАМБУРМАЖОРЪ.

Вотъ предъ вами дряхлый старецъ:
Согнуть станъ, померенулъ взоръ...
А когда-то былъ онъ бравый,
Удалой тамбурмажоръ.

Улыбаясь, съ длинной палкой
Шелъ онъ гордо предъ полкомъ,
А мундиръ блисталъ на солнцѣ
Дивно-яркимъ серебромъ.

Онъ при громѣ барабановъ
Проходилъ по городамъ, —
И сердца тревожи́й билъ
У прекрасныхъ панихъ дамъ.

Приходилъ онъ — и красотки
Всѣ склонялись передъ нимъ;
Слезы нѣмочекъ струились
По усамъ его лихимъ.

Мы рѣшились по привычкѣ
Все сносить — и не роптать...
Вдругъ начальство приказало
За свободу возставать.

Мы, какъ быкъ разевирѣвшій,
Тотчасъ подняли рога,
Пѣсни Кернера заибли, —
И изгна́и мы врага.

Ихъ постигъ конецъ ужасный,
Но достойный ихъ грѣховъ...
Государь попался въ руки
Самыхъ злыхъ своихъ враговъ.

И въ ужасной, дальней ссѣлкѣ
Долго мучился герой;
Только ракъ его избавилъ
Отъ темницы роковой.

Прежнихъ почестей лишень былъ
И бѣднякъ-тамбурмажоръ,
И за хлѣбъ онъ въ нашемъ домѣ
Служить дворникомъ съ тѣхъ поръ.

И дрова, и воду тащить
Онъ по лѣстницѣ крутой,
И трясеть своей сѣдою,
Престарѣлой головой.

Фрицъ, пріятель мой веселый,
Часто, сидя у меня,
Злая шутки отшучаетъ,
Надъ бѣднягою труни.

„Стыдно, Фрицъ! удержишь ты
Отъ насмѣшекъ и остротъ;
Славу кадушю позорить
Нѣмцу вовсе не идетъ.

„Ты смотри на ветерана
Не съ насмѣшливымъ лицомъ:
Трудно знать! тебѣ, быть можетъ,
Онъ доводится отцомъ.“

ГЕНРИХЪ Ю.

У на дворѣ въ Каносскомъ замкѣ
Императоръ босикомъ,
Власяницею покрывшись,
Дрогнетъ въ холодѣ nocturno.

Изъ-за тучи свѣтитъ мѣсяцъ.
Сверху въ замкѣ изъ окна
Виденъ папы лысый черепъ,
Грудь Матильдина видна.

Генрихъ шепчетъ... Pater noster
Губы блѣдныя твердятъ,
Но другія въ царскомъ сердцѣ
Думы тайныя киятъ:

„Далеко, въ моихъ владѣнняхъ,
Много есть высокихъ горъ;
Вся руда ихъ превратится
Въ славно скованный топоръ.

„Тамъ большимъ дубовымъ лѣсомъ
Крыта каждая гора;
Дубъ крѣчайшій будетъ сдѣланъ
Рукояткой топора.

„И современемъ родится
Славный мужъ въ краю родномъ;
Онъ изрубитъ эту гиду
Тѣмъ гигантскимъ топоромъ.“

По житейскому морю.

Взвонкий смѣхъ, и пѣсни звучали на
устахъ,
Горѣло ярко солнце въ лазурныхъ небесахъ;
Въ кругу друзей веселыхъ, на маленькомъ
челнѣ
Летѣлъ я беззаботно по дремлющей волнѣ.

Вдругъ буря разыгралась... разбился утлый
челнѣ...

Мы плавать не сумѣли по гребнямъ дикихъ
волнѣ.

И всѣ друзья погибли въ странѣ своей родной,
А я — на чуждый берегъ извергнуть былъ
волной.

И вотъ челнокъ просторный добылъ я
снова тамъ,
И съ новыми друзьями помчался по волнамъ...
Мнѣ волны эти чужды... Невеселья зтогъ
луть...
Какъ больно по отчизнѣ тоской томится грудь!

И звонкій смѣхъ, и пѣсни опять звучать
кругомъ;
Сердито свещеть вѣтеръ, играя челнокомъ;
Погасли тихо звѣзды въ лазури голубой...
Какъ больно ноетъ сердце по родинѣ святой!

НѢМЕЦКОЙ СВОБОДѢ.

Бъ не будешь ты больше бродить
босикомъ,
Пролагая въ болотахъ тропинки;
Наконецъ-то получишь ты пару чулокъ,
Наконецъ-то одѣнешь ботинки.

Изъ собольяго мѣха ты шапку сошьешь
И надвинешь на голову плотно,
И зимой, не боясь отморозить ушей,
Будешь всюду гулять беззаботно.

И дадутъ тебѣ ѣсть... Чего больше желать?
Въ мѣрѣ вридь-ли есть лучше удѣлы...
Но смотри, чтобъ тогда не подбилъ тебя
бѣсъ
Какъ-нибудь перейти за предѣлы...

Ради Бога, не будь ты смѣла и дерзка,
Ради Бога, не будь ты задорна,
Господамъ своимъ высшимъ будь вѣчно
вѣрна,
А властямъ своимъ испшимъ покорна.

Изь „ГЕРМАНИИ“.

Все то, что тогда, въ ту чудесную ночь,
Еще приключилось со мною,
Въ другой разъ, въ сіяющій лѣтній денекъ,
Подробно предъ вами открою.

Теперь, слава Богу, льстецы и ханжи
Теряютъ значеніе и силу,
И всѣ, умирая отъ недуга лжи,
Сойдутъ по-немногу въ могилу.

Теперь уже родъ наростаеъ другой, —
Живутъ въ немъ и правда, и совѣсть;
Свободенъ онъ сердцемъ, свободенъ умомъ...
Ему расскажу свою повѣсть.

Поэта понять, его гордость цѣнить
Вполнѣ эта юность сумѣетъ;
Она къ его сердцу согрѣться придетъ:
Оно вѣдь, какъ солнышко, грѣетъ.

Какъ солнце, полно мое сердце любви,
Огнемъ оно блещетъ для міра;
Стараніемъ Граціи настроена въ ладъ
Моя звопкострунная лира.

То лира, друзья, изъ которой извлечь,
На диво и гордость для звуковъ,
Великій отецъ мой, творецъ „Облаковъ“,
Такъ много насмѣшливыхъ звуковъ.

То лира, друзья, на которой онъ встарь
Трунилъ надъ смѣшнымъ Нейстетеромъ,
Что, въ бракъ съ Базилеей желая вступить,
Унесся къ заоблачнымъ сферамъ.

Я сдѣлать попытку кошу его „Птицъ“
Слегка подражать въ своей „сказкѣ“;
Всѣхъ драмъ старика превосходнѣй она,
Смѣшнѣй она всѣхъ по развязкѣ.

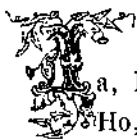
Еще вотъ „Лягушки“ прекрасная вещь,
У насъ и теперь онѣ въ модѣ;
Для царской потѣхи ихъ часто теперь
Въ пѣмецкомъ дають переводѣ.

Ихъ любить король. Его вкусъ недурень,
Ему полюбились аятки.
Вотъ старшій король, — тому были милѣй
Живые лягушечьи крики.

Ихъ любить король. Но, будь живъ ихъ
творецъ,
Будь живъ еще баловень славы,
Не даль-бы совѣта ему я прибыть
Въ предѣлы германской державы.

Явился онъ въ край нашъ, была-бъ его
жизнь
Навѣвъ безнадежно разбита:
За нимъ-бы повсюду ходила, какъ тѣнь,
Жандармовъ почтенная свита...

Миеологія.

а, Еврона покорится...
Но, вѣдь, быкъ — большая сила;
А Даная? Что-жъ... многихъ
Прелесть золота плѣнила.

И Семела очень здраво,
Очень здраво рассуждала:
Тучка неба идеальна, —
Знать, не сдѣлаетъ скандала.

Но зато рассказъ о Ледѣ
Насъ глубоко озадачилъ:
Можно-ль быть такой гусыней,
Чтобы лебедь одурачить?

~~~~~  
СТАРАЯ РОЗА.  
~~~~~


Въѣжей предѣстью блистая,
Пышно милая цвѣла,
И была, какъ роза мая,
Восхитительно мила.

Любовался я невольно
Этимъ миленькимъ цвѣткомъ...
И-бъ сорвалъ его, но больно
Уязвилъ себя шиномъ.

Шныче роза эта смяла,
Нынче, смита и блѣдна,
„Милый Генрихъ“ вѣчно стала
Мнѣ напоминать она.

„Генрихъ! Генрихъ!“ это слово
Слышу всюду и всегда,
И извить меня ужь снова...
Но не шнись, а борода.

Ахъ, щетиной подбородка
Трудно сердце намъ илѣнить...
Въ монастырь ступай, красотка,
Иль вели себя побрить!

СТАРУХА ЗАБОТА.

 ВЪ солнечномъ блесгѣ порызолотой
Кружилися монки веселой толпой;
Друзья—я такъ пѣжно былъ ими любимъ—
Дѣлились со мною обѣдомъ моимъ;
Моею послѣдней копѣйкой въ тѣ дни
Со мною, какъ съ братомъ, дѣлились они.

Но вотъ я простился съ казною моею—
И нѣтъ моихъ милыхъ, веселыхъ друзей.
Лишь спрятался солнышка лучъ золотой,
Разсѣялся мошесть ликующей рой;
Друзья мои скрылись одинъ за другимъ,
Лишь только простился я съ счастьемъ своимъ.

И нынѣ Забота, сплѣткой почной,
Въ чепцѣ и въ капотѣ сидитъ надо мной,
Сидитъ—и въ безмолвыи осеннихъ ночей
Скрипитъ да скрипитъ табакеркой своею...
Какъ мерзокъ тотъ скрипъ и какъ страшно,
Увы,
Киванье угрюмой, сѣдой головы!

Порою мнѣ снятся волшебные сны
О радужныхъ дняхъ благодатной весны,
О мошгахъ веселыхъ, о милыхъ друзьяхъ...
Вдругъ скрипнетъ—и грезы разсѣялись въ
Пряхъ...
Старуха сидитъ и, крехтя надо мной,
Сморкается громко костлявой рукой.

ЖАЖДА ПОКОЯ.

Пусть кровь изъ ранъ твоихъ сочится,
Пусть льются слезы по щекамъ;
Блаженство въ горести таится,
А слезы—сладостный бальзамъ.

Не будь израненъ ты врагами,
Ты-бъ ранилъ самъ себя, мой братъ;
Такъ будь доволенъ, что слезамъ
Еще глаза твои блестятъ.

Угаснетъ день тревожно-шумный,
Земля окутается тьмой;
Тогда ни плутъ, ни фатъ безумный
Не потревожатъ твой покой.

Отъ пытокъ музыки вокальной,
Отъ мерзкихъ звуковъ и остротъ,
Отъ блеска сцены театральной —
Твой духъ убѣжище найдетъ.

Ты не услышишь громкой оды,
Что въ честь Джакома сложена;
Поймешь всѣ прелести свободы
Подъ кровомъ сумрака и сна.

Ахъ, тѣмъ, какъ рай, мила гробница,
Кто ненавидитъ свѣтскій гамъ...
Смерть хороша! но не родиться—
Въ сто разъ бы лучше было намъ.

ВЪ МАѢ.

ТѢ самыхъ любимыхъ, отъ лучшихъ
друзей
Терпѣль я сильнѣе, страдать я больнѣй;
Въ крови мое сердце... а солнце, блистал,
Любуется съ неба на прелести мая.

Зеленой одеждой покрыты лѣса
И радостно итичьи звенять голоса;
Красавицы милы, какъ цвѣтъ ароматный...
Ты гадокъ, ты мерзокъ, о, мѣръ благодатный!

Мнѣ Оркусъ угрюмый милѣй во сто разъ:
Тамъ рѣзкій контрастъ не мозолитъ намъ
глазъ;
Для душъ истомленныхъ—отрадою полны
Подземнаго Стикса полночныя волны.

Ихъ шумъ заушывный, печальный ихъ видъ,
Терзающій сердце нагвѣвъ Стимфалидъ,
Озлобленныхъ фурій злобѣщее гнѣве
И страшнаго Цербера лай и шипѣнье,—

Все это гонится для бѣды и скорбей
Въ той грустной долинь, въ томъ царствѣ
тѣней;
Въ проклятой трясинѣ, въ стравѣ Прозерпины
Все создано кстати для слезъ и кручины.

Но въ мѣрѣ подлунномъ—о, страхъ и
позоръ!—
И солнце, и розы—все рѣжетъ мой взоръ.
Явится мени небо насмѣшкой повятой...
Ты гадокъ, ты мерзокъ, о, мѣръ благодатный!

ЮДОЛЬ ПЛАЧА.

Холодный чердакъ. Завываетъ сквозь
щели

Пронзительно вѣтеръ почной.

Два блѣдныхъ созданья лежатъ на постели,
Убитыя горькой нуждой.

Одно изъ нихъ шепчетъ: „скорѣе руками
Обвей мою шею плотнѣй;

Къ устамъ моимъ крѣпче прильни ты устами,
Холодное тѣло согрѣй“.

Другое въ отвѣтъ: „дорогое созданье!

Лишь взоръ твой блеснетъ предо мной,

И вмгъ забываю морозы, страданье

И горести жизни земной“.

Цѣлуясь и плача, страдальцы сжимали
Другъ друга въ объятыхъ своихъ;
Порой они гѣли, порой хохотали...
Но въ полночь ихъ голосъ затихъ.

А утромъ въ несчастнымъ въ комнату явился
Квартальный съ врачомъ городскимъ;
Пощупавъ ихъ пульсы, хирургъ убѣдился,
Что трупы лежатъ передъ нимъ.

И очень внимательно докторъ почтенный
Усопшихъ осматривать сталъ,
И грустной ихъ смерти виной несомнѣнной
Онь голодъ и стужу призналъ.

„Зимой“, сказала онь, „бушуютъ метели
И стужа сильна и грозна,—
Такъ нужно теплѣй укрываться въ постели,
И пища должна быть сытна“.

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

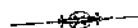
Полны, как Тиртей, и героической отваги
Полны твои пѣсни, мой другъ;
Но жаль, что неловко для пѣвня ты выбралъ
И время, и публики кругъ.

Она твоимъ пѣснямъ внимаетъ съ вос-
торгомъ

И всѣхъ увѣряетъ притомъ,
Что чистъ и прекрасенъ полетъ твоихъ мыслей,
Что ловко владѣешь стихомъ.

Она тебѣ даже ура! очень громко
Кричитъ за стаканомъ вина,
И пѣснь боевую, во слѣдъ за тобою,
Реветь во всю глотку она.

Вѣдь рабъ такъ охотно въ трактирѣ за
кружкой
Свободную пѣсню поетъ:
Она и желудку варить помогаетъ,
И прелесть вина придаетъ.

Г И М Н Ъ .

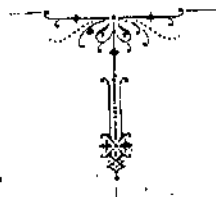
острый мечъ, я громъ, я пламя!
Я вамъ свѣтилъ во тьмѣ ночной,
Я смѣло всталъ подъ ваше знамя
И васъ повелъ въ кровавый бой.

Въ томъ бою изъ насъ на полѣ
Много доблестныхъ легло,
Но зато вѣнкомъ побѣды
Увѣнчали мы чело.

Велика была побѣда,
Но великъ былъ нашъ уронъ—
И нагѣвомъ погребальнымъ
Хоръ триумфа омраченъ.

Но теперь не время плакать
И не время ликовать;
Вновь труба зоветъ на битву
Нашу доблестную рать.

И я опять, готовый къ бою,
Васъ поведу на поле сѣчь.
И дрогнетъ врагъ передо мною...
Я пламя, громъ, я острый мечъ!

ВАЖНѢЙШИЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строчка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
96	9 снизу.	средѣ	среди
130	10 сверху.	ткань,	ткань;
142	7 —	безвѣдному	безвѣдному
149	4 —	любить!	любить!"
154	2 —	совѣщанъ	совѣщанья
290	1 —	предостороженіе	предостереженіе
298	6 снизу.	видѣвъ	видѣвъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Прологъ	Стран. 5
-------------------	----------

НОВАЯ ВЕСНА.

Прологъ	11
1. Сѣвъ подъ липой, издалека	12
2. Нижно расцвѣлъ зеленѣющей лѣсъ	14
3. Изъяснительныя глазки весеннихъ ночей	15
4. Люблю я цвѣтокъ, но какой я не знаю	16
5. Вернулась весна молодая	17
6. Тихо въ душу льются звуки	18
7. Въ прекрасную розу влюбился мотылекъ	19
8. Громко зашумѣли деревья	20
9. Сначала былъ въ мнѣ одинъ соловей	21
10. Въ темную ночь чародѣйка-весна	23
11. Грозный часъ пробилъ! судьба моя мрачна	24
12. Слезъ любви и тихой скорби	25
13. Глазки весны голубые	26
14. Если, другъ мой, очень близко	27
15. Въ раздумьи глядитъ водяная лиза	28
16. Зоркошь глазъ твой? въ эти пѣсни	29
17. Забѣлъ по ночамъ здѣсь шатаешься ты	30
18. Какъ дышать любовью и пѣгой	31
19. Злоба мрачная угасла	32
20. Свой запахъ намъ роза весенняя цвѣтъ	34
21. Люблю тебя сильно — и долженъ, несчастный	35

	Стран.
22. Брожу я въ саду межъ цвѣтами	36
23. Какъ хѣсикъ свой образъ прекрасный	37
24. Сердца наши, другъ мой, навѣкъ заключили.	38
25. Скажи, кто открылъ намъ устройство часовъ.	39
26. Чудный запахъ льютъ гвоздiken	40
27. Мнѣ ужъ силится эти грезы	41
28. Поцѣлуй, когда онъ тихо	42
29. Быль царя... его сердце остыло	43
30. Въ моей памяти всплыли картины	44
31. При дунѣ благоухаютъ	45
32. Черезъ лѣсъ при дунномъ свѣтѣ.	47
33. Вѣнкомъ фиалокъ, дорогая	48
34. Писемомъ твоимъ я, другъ мой	49
35. Не страшись! скрывать отъ свѣта	50
36. Дни и ночи безпрерывно	51
37. Звѣзды пожемаи златыми	53
38. Весна какъ будто-бы отравлена кручиной.	54
39. Опять разстаться нужно съ милой	55
40. Развѣстаетъ въ думѣ у насъ чувство	56
41. Небо старцею красноглазымъ	57
42. Угрюмъ и воль, съ оставшею душою	58
43. Надъ низкой долиной, надъ высими горъ	59
44. Небо стро, какъ и было	60

Г А Р Ц Ъ .

Прологъ	63
На Гарденбергъ	65
Горная Ццццц 1. 2. 3.	67
Пастушокъ	79
На Врокенъ	81
Цццц	83

	Стран.
СЪВЕРНОЕ МОРЕ	
циклъ первый.	
1. Коронованіе	87
2. Сумерки	89
3. Солнечный закатъ	91
4. Ночь на берегу	95
5. Посейдонъ	99
6. Признаніе	103
7. Ночь въ каютѣ	105
8. Буря	110
9. Тишь на морѣ	113
10. Морской призракъ	115
11. Очищеніе	119

СЪВЕРНОЕ МОРЕ

циклъ второй.

1. Привѣтъ морю	123
2. Гроза	127
3. После кораблекрушенія	129
4. Солнечный закатъ	132
5. Пѣснь Океаниды	136
6. Боги Греціи	142
7. Фейякъ	148
8. Морская болѣзнь	150
9. Въ пристани	155
10. Эпилогъ	160

Ф И Т Ц Л И П У Ц Л И .

Прелюдія	165
Поэма 1. 2. 3.	170

РОМАНСЫ И БАЛЛАДЫ.

Горный голосъ	201
Бѣдный Петеръ 1. 2. 3.	203
Приглашеніе	206
Донъ Рамиро	208
Донна Клара	216
Трагедія 1. 2. 3.	221
Женщина ✓	224
Заклятіе	226
Гастингское поле	228
Король Ричардъ	235

П Ъ С Н И.

Изъ „Lieder“.

1. Утромъ встаю, я завить думой	239
2. Я мечусь въ тревогѣ, я забытъ покой	240
3. Садамъ пустыннымъ брожу я	241
4. Другъ милый, дай къ сердцу мнѣ ручку	242
5. Колыбель моихъ страданій	243
6. Погоди, морякъ суровый	245
7. Горю съ горь своихъ влится	247
8. Съ уха свеза меня тревога	248
9. Мишурой, киварисомъ и пыльнымъ вѣскомъ 249	

Изъ „Интермедіи“.

1. Прологъ	251
2. Лилет и солнце, голубки и розы	254
3. Я люблю, не кланися, но плбуй горячѣй	255
4. Стою я на горной вершинѣ	256
5. Вѣтеръ осенній качаетъ деревья	257
6. Сорвалась искорка съ неба	259

Изъ „Heimkehr“.

1. Туманъ опустился на море	260
2. Мнѣ почтъ любимая снилась	262
3. У тебя уста — какъ розы	264
4. Хотѣлъ я съ тобою побытъ, дорогой	265
5. Мой другъ, если станешь супругой моей	266 ✓

Изъ „Seraphine“.

1. Барышня плачетъ у моря	267
2. На черныхъ корабль мой плыветъ парусахъ 268	
3. Изъ волнъ выступаетъ высокой гранитъ	269

На чужбинѣ.

1. Куда, зачѣмъ, не знаешь самъ	270
2. Пѣсни милого поэта	271
3. Снилось мнѣ дѣвушка: косы, какъ смоль 272	
4. Давно ужъ ты не былъ такъ грустно на- строены	273
5. Прекрасный край былъ родиной моей	275

Изъ „Lazarus“.

Въ груди моей въ мртвѣ зажглася любовь	276
--	-----

Изъ „посмертныхъ пѣсень“.

1. Когда разобьются два юныя сердца	278
2. О дорогой мечтаю я днемъ	279
3. Твоей умный взоръ я вижу предъ собою	281
4. Прекрасно блеститъ заходящее солнце	282
5. Дикость средневѣковая	283

Р А З Н Ы Е.

Въ Лондонѣ	287
Доктринна	289
Предостереженіе	290
Тайна	291

	Стран.
Вѣсти изъ Германіи	292
Тамбурмажоръ	294
Генрихъ IV	298
По житейскому морю	300
Нѣмецкой свободѣ	302
Изъ „Германіи“	304
Мнеология	307
Старая роза	308
Старуха Забота	310
Жажда покоя	312
Въ маѣ	314
Юдоль плача	316
Политическому поэту	318
Гимнъ	320

